

ПОСЛЕДНИЙ ЭКЗОРЦИСТ

СЕРГЕЙ ПЛОТНИКОВ
ОТРАЖЕНИЕ

Annotation

Кто из нас не мечтал научиться колдовать, встретить истинного волшебника и увидеть настоящие чудеса? Для Димы Ведова сказка однажды стала былью. Старинный артефакт, сработав от случайного касания и капли крови, навсегда раздвинул для него границы обыденного. Вот только... оказалось, что сам доступ к миру магии совершенно не является гарантией отсутствия проблем, скорее, наоборот. Ничего не происходит по мановению волшебной палочки, а каждую крупицу новых возможностей приходится добывать чередой всё более опасных опытов над собой и окружающими. Одна надежда: в старшей школе для магов и демонов наконец-то можно будет получить желаемые знания и ответы на множачиися с каждым днём вопросы...

Сергей Плотников

Отражение

Цикл романов
ПОСЛЕДНИЙ ЭКЗОРЦИСТ

Серия «Наши там» выпускается с 2010 года
Оформление художника Сергея Атрошенко

Где-то в центральной Германии 1477 год от Р. Х.

Солнце, неумолимо спускающееся к линии горизонта, щедро делилось оставшимися от дня красками – так незадачливый мясник стремится избавиться от порядком «заблагоухавшего» за день товара до закрытия торговых рядов. Своё он вроде уже отбил, да и то, что осталось, даже в свежем виде было не особо привлекательным, а завтра на тухлятину польстятся разве что собаки – и то не сожрать, а извалять. Вот и надрывается болезный, цепляясь к редким вечерним посетителям и пуце прежнего нахваливая продаваемое: смотри, мол, какая вкуснятина, а отдаю за два медяка. Эй, эй, за один! Да посмотри же!

Лес, о сизую стену которого словно спотыкалась петляющая по лугам дорога, вёл себя в точности так же, как горожанин, спешащий домой через торговую площадь: презрительно отворачивался и морщился. Лучи светила, окрасившие тучные травы в жёлтое и красное, вязли и рассеивались в густом сумраке между тяжёлыми ветвями вековых елей. Под пологом из длинных зелёных игл и ещё более длинных лишайниковых «бород» уже царила ночь, а кое-где колыхались медленно ползущие без всякого ветра первые тенёта тумана. Недоброе место. Не только внешним видом недоброе, отчего и стоят некошеными прекрасные луга и ни одного селения на добрых три мили окрест. Местные, из тех, кто регулярно был вынужден пользоваться огибающей чашобу дорогой, старались миновать урочище в середине дня, и другим путникам то же советовали. Слушали, правда, не все...

Стараясь не выбираться с обочины в пыльное месиво меж выбитых тележными колёсами колеи, по тракту в сторону леса неторопливо шагали трое. Это были смиренные монахи – по крайней мере, издавек взгляд прежде всего цеплялся за коричневые дорожные сутаны, да и сам способ передвижения, на своих двоих, намекал на невысокое положение в социальной иерархии. Но если присмотреться, начинали появляться вопросы.

Только один из отринувших мирское во имя Христа мог сойти за простого инока: ряса, простой крест, лысина-тонзура и сандалии. Возраста божий человек был явно немало: уцелевшие волосы густо украшала седина, морщины придавали его и так благодушному лицу какое-то совсем уж умиротворённое выражение, а выцветшие, когда-то карие глаза смотрели на мир с подобающим смирением. Единственное, что могло насторожить случайного свидетеля, – та лёгкость, с которой монах задавал темп маленькому отряду, иные из молодых позавидовали бы.

Двое других путников поддерживать образ скромных агнцев Божьих дальше нацепленной рясы даже не пытались: траву безжалостно мяли добротные сапоги, у одного, высокого светловолосого и голубоглазого типа, вокруг пояса была обёрнута грубая массивная цепь с веригами, подозрительно похожими на грузы-концевики боевого кистеня, второй, хоть оружия на виду и не носил, при каждом шаге издавал звук, напоминающий звон колец кольчужной рубашки, образ довершал капюшон, надвинутый на самые глаза и полностью затеняющий лицо. В общем, та ещё компания: любой одинокий путник обойдёт и глаза будет старательно отводить – мало ли что, увидишь лишнее – и поминай как звали...

– Пся крев! – Рослый блондин оступися, запнувшись о скрытый в траве камень. Выругавшись, он поймал насмешливый взгляд обернувшегося идущего впереди и насупился.

– Брат Андрэ, брат Андрэ... Епитимья по тебе горячими слезами плачет, – ласково

пожурил его пожилой предводитель маленького отряда. – Когда же ты научишься сдержанности?

– Когда все твари разом провалятся в ад! – пробурчал себе под нос поляк, но был услышан.

– Не за тем ли мы идём сейчас, сын мой?

Блондин пробормотал что-то в ответ, но теперь уже настолько тихо и неразборчиво, что и сам, скорее всего, не разобрал бы.

– А ты что скажешь, брат Павел? – Надо полагать, обладателю сандалий и хорошего настроения надоело идти молча, потому он обратился ко второму из своих спутников:

– Ваше высоко...

– Просто брат Иоанн, брат Павел. Договорились же, – осуждающе покачал головой пожилой епископ^[1]. – Так что ты думаешь о нашей... миссии?

– Я делаю, что мне говорят, – донеслось из-под капюшона. – И рад, когда это идёт на пользу нашей матери-Церкви.

– То есть возможные последствия тебя не пугают? – с искренним участием продолжал допытываться пожилой монах.

– Нет... брат Иоанн. – Монах, не прекращая размеренно шагать, поклонился старшему.

– Да что вы его спрашиваете? Этим книжных червей ничего на свете не интересует, кроме смешения подозрительных субстанций и получения из них ещё более подозрительного дерь... Я хотел сказать – результата! – влез в беседу голубоглазый.

Кстати, весь разговор происходил на благородной латыни, которой все трое отлично владели.

– А тебя, брат Андрэ, ничего не интересует, кроме разудалых драк, – хмыкнул архиерей. – Даже удивительно, что магистр вашего ордена выдвинул для проведения обряда именно твою персону – это после всего того, что о тебе нарасказывал.

– Ну, вообще-то кое-что интересует... – мечтательно закатил ясны очи бывший шляхтич, но вовремя спохватился и немедленно сделал скорбное и постное лицо. – Молитвы и служение на благо мира христианского.

Помянув христианский мир, брат Андрэ истово перекрестился, но сделал это с такой рожей, что архипастырь вынужден был отвернуться – до того комичными были усилия проходимца в сутане изобразить благочестие.

– Похоже, ты не очень-то веришь в благополучный исход нашего дела, – ворчливо прокомментировал Иоанн. – А зря. Если Ему будет угодно, вместо вечной войны настанет мир.

Поляк ещё раз наложил на себя крестное знамение, когда епископ упомянул Всевышнего, но в этот раз с подходящим выражением лица. Но язык за зубами всё-таки не удержал, без тени сомнения припечатав:

– На мой век колдунов и тварей хватит.

Разговор прервался – тройка монахов дошла до границы леса... и, нисколько не колеблясь, вошла под его своды. Сразу стало легче идти: под многоярусным пологом тяжёлых ветвей не росла трава, а многолетние наслоения сброшенной хвои пружинили под ногами, как дорогой ковёр. Разве что приходилось регулярно «кланяться», пригибаться под уцелевшими, но давно мёртвыми нижними сучьями. Солнечный свет ещё некоторое время пробивался вслед за странниками, но вскоре отстал, погрузив окружающее пространство в серый с серебристыми прожилками тумана густой сумрак, поглощающий все звуки, как вата.

Обычного человека, будь он хоть каким храбрецом, в таком месте и в такое время обязательно пробрал бы если не страх, то холодок точно: уж очень чуждым человеку был старый сырой еловый бор. Холодным и промозглым – прямо-таки растительный склеп какой-то. И чужакам он был не рад.

Шагающий теперь вровень с предводителем Андрэ внезапно, без всякого предупреждения, рванул с пояса тяжёлую цепь. Слитный звон – и оружие стальной змеёй рванулось куда-то назад, послушное движению руки человека. Цепь оказалась неожиданно длинной – по крайней мере, неожиданно для того, кому предназначался удар, и тяжёлое грузило с глухим треском встретилось со лбом противника.

– Ха! – Поляк поддёргнул оружие, перехватив примерно за середину, и лёгким движением руки молниеносно раскрутил оставшуюся часть над головой – между старыми стволами места хватало с избытком.

А на месте удара осталась лежать конвульсивно подёргивающаяся волчья туша с разбитым черепом. В стылом воздухе потянуло кровью.

– Интересно. – Брат Иоанн внимательно осмотрел поверженного врага. – Хранитель чащи?

– Молодой волчонок из стаи Хранителя, – поправил блондин, лицо которого прямо-таки лучилось азартом. – Неопытный, слишком близко подошёл. Теперь остальные кинутся все сразу.

– Хм... – Пожилой монах ещё раз осмотрел «молодого волчонка» – матёрую зверюгу величиной с телёнка, чей слишком светлый мех кое-где украшали пряди лишайника, что свисал с ветвей деревьев. – Нам их здесь подождать или пойти навстречу?

– Ждать не нужно, – ответил владелец цепи, и, как бы в ответ на его слова, окружающий сумрак расцвёл десятком пар огоньков. Ярко и совершенно противоестественно светящихся глаз.

Брат Павел, до того безучастно следующий за спутниками, впервые за всё время проявил некоторые признаки беспокойства: завожившись, он вытащил из-под сутаны две небольшие кривоватые бутылочки с плотно притёртыми крышками.

– Это не понадобится, – остановил его епископ и, повернувшись, внезапно раскатившимся окрест голосом приказал: – Ко мне, тварь Божья!

В облике немолодого монаха произошли разительные перемены: он словно стал выше ростом и заметно шире в плечах. Более того, кисть руки, совершившая повелительный жест, так же отчётливо засияла во мраке жемчужным неярким светом. От Иоанна вместе со светом исходило физически ощутимое ощущение надёжности, спокойствия... и власти. Все огни в лесу погасли, кроме самой яркой пары, та медленно двинулась навстречу человеку, как-то странно подёргиваясь. Когда огромный снежно-белый зверь появился в круге света, стало понятно почему: он *полз*. Полз на брюхе, повиливая хвостом и еле слышно скуля – ни дать ни взять нашкодливый щенок, униженно пытающийся вымолить себе прощение. В исполнении существа размером с добрую лошадь смотрелось это действие особенно внушительно.

Андрэ беззвучно выругался, останавливая вращение своего оружия: кистень против существа с лобовой костью в полпяди толщиной точно не поможет. Разве что цепью попытаться удушить, пока его высокопреосвященство «держит» чудовище? Да уж, таких огромных он ещё ни разу не встречал. Чёртова магия, прости, Господи! Одна надежда на Павла с его склянками, там явно не святая вода.

– Тварь неразумная, а оттого нет твоей вины в облике сём, – наконец вынес вердикт

епископ, когда волк ткнулся огромным носом в подставленную ладонь. – Ты проведёшь нас.

Скуление тут же поменяло тональность – с испуганного на безудержно-весёлое: зверь был счастлив выполнить отданный приказ. Миг – и вскочившая на лапы туша ринулась в чашу, с громким треском проламывая натуральный тоннель в царстве еловых сучьев. Треск скоро стих, приглушённый расстоянием, а вот особо громкие радостные взвизги ещё некоторое время до людей долетали.

– Надо было прикончить, – посетовал поляк.

Он уже смотал оружие и теперь тщательно оттирал концевик при помощи не иначе как специально припасённой ветоши.

– Какой ты кровожадный. – Ахипастырь с насмешкой оглянулся на спутника. – Мы вежливые люди, а вежливые – сперва стучатся в дверь и только потом заходят наводить внутри свои порядки. Считай – мы постучались. Брат Павел, спрячь уже свои эликсиры – не ровён час, уронишь, и начнётся лесной пожар. Доказывай потом, что случайно.

Продвижение по пробитому телом волка-вожака тоннелю оказалось неожиданно быстрым и приятным. Быстрым, потому что больше не пришлось кланяться-нагибаться сучьям, а приятным – из-за так и не погасшего света, исходяемого братом Иоанном. А через некоторое время сырой еловый сумрак и вовсе сменился сумраком лиственным, а под ногами появилась на удивление короткая и мягкая, как специально выращенная, трава, которую пятнали отпечатки огромных волчьих лап, указующей строчкой тянущиеся всё глубже в чашу.

Правда, совсем сыро стало и туман сгустился. Из-за тумана огонь большого костра, к которому вели следы невольного проводника, удалось разглядеть только шагов с тридцати. Впрочем, монахов это не смутило – к чему-то подобному они были давно готовы.

– Мир вашему дому, – первым поздоровался пожилой предводитель троицы церковников, входя в пузырь чистого воздуха вокруг источника жаркого пламени.

– А что не благословяете, отче? – откликнулся от костра молодой женский голос. – Или паства не по душе?

– По душе, вполне по душе, дочь заблудшая. – Епископ с одобрением оглядел женское тело, не обременённое никакой одеждой, кроме волны распущенных чёрных волос, и качнул головой в сторону остальных... гм, хозяев этого места. – Боюсь, от моего благословения наша компания... несколько поубавится. Если ты понимаешь, о чём я.

Намёк был более чем прозрачен: среди нескольких человек обоего пола, расположившихся рядом с огнём, присутствовали и те, кого человеком назвать повернулся бы язык только у явного слепца. Два ящера с зелёной чешуёй ещё имели некоторое сходство с людьми, если не смотреть на головы, а вот нахохлившаяся чуть в стороне обладательница вполне обычной для женщины головы всем остальным телом принадлежала к птичьему роду. Ещё один обитатель, тоже на первый взгляд выглядящий человеком, кроме нечеловеческих жёлтых глаз с вертикальным зрачком и полностью лишённый волос, вольготно разлёгся прямо среди пылающих поленьев – и нахождение внутри пламени его, похоже, ничуть не смущало.

– Вы настолько святы, ваше преосвященство, что словом и жестом изгоните нас в ад? Я уже вся трепещу! – картинно обхватила себя руками ведьмочка. – Или, может, изгоните из нас демонов?

– Не злословь о том, чего тебе не понять, – веско, с предупреждением в голосе отрезал епископ. Впрочем, следующую фразу он произнёс опять всё тем же добродушным и

миролюбивым тоном: – Изгонять – это не по моей части, обращайтесь к брату Андрэ.

Поляк, до того держащийся на шаг позади архипастыря, вышел вперёд и издевательски поклонился, положив руку на пояс-оружие: некоторые мирские привычки никак не желали оставлять бывшего шляхтича.

– Экзорцист! – Растерявшая весь свой гонор молодая девчонка попятилась. – Ты привёл экзорциста!

– Как и было оговорено... Не так ли, Асмодеус? – Иоанн с тщательно скрываемым удовольствием отметил, как напряглись нелюди.

Впрочем, по поводу колдунов и ведьм святая мать-Церковь пока не выработала единой позиции и продолжала склоняться к мысли, что отступники, практикующие волшебство, – всё-таки люди. Заблудшие, пустившие в душу ужасающую скверну, но всё ещё люди. По крайней мере, пока у них не отрастали, пусть даже временно, противоестественные конечности, органы и покровы и не появлялись способности вроде несгораемости саламандр.

– Кстати, я тоже оценил присланного тобой... привратника.

– Я знал, что для тебя пройти Хранителя не составит труда, – покачал головой пожилой мужчина, до того молча смотревший в пламя, и поднялся, тяжело опираясь на посох из сильно перевитого древесного корня. – И называй меня Ульфхам, как все. То... прозвище ко мне больше не относится. Всё осталось в прошлом.

– Ты можешь отказаться от Преисподней, но она никогда не откажется от тебя. – На секунду выражение лица монаха выдало истинное отношение к собеседнику – смесь презрения и гнева, однако Иоанн быстро взял себя в руки. – Но это не важно. Даже не сотворение зла есть добро.

– Потому ты пришёл ко мне? – теперь уже не удержался главный на лесной поляне, саркастически приподняв левую бровь.

– Потому, что знаю тебя достаточно хорошо, – не поддался на провокацию епископ. – Потому, что данное Слово для тебя нерушимо. Тебя знают и тебя уважают среди... таких, как собравшиеся здесь. Так что я надеюсь, ты сможешь донести до многих то, с чем я пришёл к тебе.

Слова высокопоставленного священника, маскирующегося под простого монаха, произвели, можно даже сказать, некоторый фурор. Несколько спутников назвавшегося Ульфхамом вскочили, сжимая кулаки, над поляной повис гул встревоженных голосов.

– Он врёт! – опять не сдержалась обнажённая ведьма. – Ты врёшь, церковник! Ваши проповедники каждый день провозглашают войну нам – в каждом храме, с каждой кафедры! Что ты можешь нам сказать?!

– Халла, утихни, – веско приказал глава нечисти, и шум как отрезало. – Я согласился на личный разговор с тобой, о передаче послания речи не было. Мне говори и уходи.

– Не разговор, а встречу, – педантично поправил собеседника епископ. – То, с чем я пришёл, надо не рассказывать, а показывать. И... м-да, не думал, что когда-нибудь это произнесу... мне потребуется твоя помощь.

Если до этого казалось, что у костра тихо, то теперь повисла совсем уж мёртвая тишина. Даже пламя, до того слегка, но отчётливо гудевшее и потрескивающее поленьями и углями, теперь совершенно бесшумно вздымалось вверх. Не без заслуги покинувшего свою раскалённую лежанку саламандра, разумеется.

– Прости, старый враг, но... я не ослышался? – наконец заговорил владелец посоха. – Ты

предлагаешь мне *колдовать* вместе с тобой? В одном ритуале?

– Творить магию, скажем так. Слово «колдовство» мне по-прежнему не нравится. – Архипастырь явно был доволен произведённым эффектом. – Да, ты правильно понял.

– А как же: «Святые силы и чародейство – нельзя даже сравнивать, ибо первое от Бога, а второе – от дьявола»? – Асмодеус явно растерялся. Много он готов был услышать, включая «сгори, тварь!», но только не такое. Небо, упавшее на землю, было бы более реальной вещью, чем подобное предложение из уст благословленного церковника.

– О терминологии можно поспорить как-нибудь потом, – махнул рукой епископ. – Мы все знаем, что и святыя чудеса подвижников, и самое тёмное колдовство лучше всего получаются в так называемых местах Силы и хуже всего получаются на максимальном от них удалении. Всё зависит от помыслов человеческих, от того, как распорядится получивший Божий дар к чудесам своим талантом.

– Ересь! – одними губами произнёс Асмодеус, но, справившись с собой, уже в голос спросил оппонента: – Иоанн, а тебя самого за такие слова свои же не удавят? А то я слышал о ваших порядках.

– Не волнуйся за меня, – хмыкнул епископ. – И не тебе меня судить, чернокнижник. Лучше подумай, с чем я пришёл к тебе, врагу Церкви, и что мирно разговариваю с тобой и предвараю своё дело *такими* словами.

Маг честно подумал, но в результате только развёл руками: никаких, даже самых безумных мыслей не было.

– Ничего, я сейчас всё расскажу подробно, – посулил архипастырь, прикрывая глаза, чтобы лучше сосредоточиться.

Места Силы. Проклятье и одновременно благословение этого мира. Места, в которых совершаются чудеса – и благие, и самые скверные. К сожалению, природа человека такова, что скверна всегда лидирует... Едва вставшая на ноги христианская Церковь вслед за другими культурами просто не могла не обратить на места Силы самого пристального внимания. Вот только возможностей у последователей святых апостолов в итоге оказалось побольше. Более тысячи лет копились знания и факты, переписывались дневники и жития, анализировалась и сопоставлялась доступная информация. По деяниям святых и по самым чёрным ритуалам пойманных колдунов, по людям, чародеям и нелюдям. Подкупы и пытки, опыты и простые наблюдения – всё стекалось и оседало под тихими сводами холодных, сухих и хорошо вентилируемых залов папской библиотеки. Неудивительно, что именно теологи и практики Ватикана в итоге совершили невероятный прорыв.

– Все вы знаете, что магия и чудеса не совершаются по заказу, – нуднейшим тоном, словно на теологическом диспуте, начал вещать отец Иоанн. Однако, несмотря на манеру изложения и то, что говорил он пока вещи общеизвестные, слушать стали епископа, затаив дыхание и ловя каждое слово. Слишком уж редко представители Церкви обращались к врагам лишь словом, по крайней мере не подкреплённым волной убийственного света, да и в свои тайны никого постороннего никогда ранее не желали посвятить. – Святыя смиренно принимают дарованную возможность, а колдуны и астрологи пытаются рассчитать благоприятное время по положению звёзд, луны и прочим богопротивным приметам. Общеизвестны также и постоянные, повторяемые каждый год «удачные» дни в одни и те же даты: Вальпургиева ночь, ночь перед праздником Иоанна-крестителя, ночь перед Рождеством и мерзейший Хеллоуин. Мне ведь не нужно объяснять, почему светлый праздник

матери-Церкви и тёмное безумие идут друг за другом подряд? Отлично. Скажу ещё, что есть более долгопериодические циклы, как связанные с небесной механикой, так, по-видимому, и нет. Однако, кроме дат, нами выявлена ещё и географическая привязка: в один и тот же день возможности святого или колдуна будут колебаться в зависимости от его расположения относительно мест Силы. Проверено, если занять позицию на максимальном удалении от выявленных центров, благоприятных для чудес в любое время года, то даже в календарный максимум эффект будет слабым – вплоть до полного исчезновения. Но и это ещё не всё... – Лектор прервался, оглядел слушателей, ласково улыбнулся, будто обращался к добрым христианам, а не к представителям гонимого Церковью племени, и продолжил: – Места Силы также подвержены указанной динамике – недаром ведьмы, вроде прекрасной Халлы, устраивают свои праздники-шабаша на «лысых горах». Сии зоны также являются «местами», только похожи не на острова в море, постоянно над волнами возвышающиеся, а на рифы, которые появляются над водой только в самый большой отлив... По крайней мере, мы так думали раньше. Однако же пятьдесят лет назад большой богословский собор^[2] доказал: Сила подобна не тверди, а воде, а особые дни – весеннему паводку. В сухом месте паводок неощутим, лишь поднимается вода в колодцах, а в мокром и низком – затапливает всё вокруг. Объяснить, почему сравнение с водой так важно?

– Воду... пьют, – внезапно откликнулся на вопрос монаха один из ящеров. При взгляде на его пасть, украшенную здоровенными зубами, догадаться, что тварь способна говорить пусть глухо, но чисто и членораздельно, было невозможно.

– Верно, сын м... сын заблудший, – поправился Иоанн. – Такие, как ты, её и «пьют». Сила изливается из мест Силы, как вода из родника, когда сильнее, когда слабее. Колдуны и чародеи «пьют» её только во время своих ритуалов, а одержимые – всё время. Те из вас, кто остался в человеческом достоинстве, без подпитки теряют свои мерз... особые свойства, а кто окончательно потерял дарованный Господом облик – быстро слабеют, чахнут и умирают. Зато когда вы поселяетесь на «источнике» пропорционально его величине и потребляете Силу, она прекращает «растекаться» по окрестностям, и целые районы становятся непригодны для чудес.

– Пятьдесят лет... – прошептал Асмодеус и громче повторил: – Пятьдесят лет, значит? Так вот почему инквизиторы и экзорцисты почти прекратили охотничьи рейды!

– Верно, верно, – довольно покивал архипастырь, смотря на врага-сатаниста с кротостью истинного святого, вот только в зрачках словно ярилось невидимое пламя. – И потому так часто вспыхивают костры с ведьмами и богомерзкими чародеями, что осмеливаются жить и гадить в пределах человеческих городов и селений. Без Силы вы не способны на свои гадости и уязвимы, а те, кто поумнее, отказываются от скверны дьяволопоклонничества и уходят сами... Не это ли произошло с тобой, Ульфхам? Кто ты теперь? Друид? Или по старой памяти ловишь мимохожих, только теперь прикапываешь под дубом, а не распинаешь в подвале вниз головой, вырезая внутренности?

Обладатель посоха молча сжал кулаки и вперил недобрый взгляд в своего противника, над поляной почти ощутимо-слышимо зазвенела натянутая струна... Однако бывший чернокнижник усилием воли отвёл глаза. Его враг успел сказать достаточно, чтобы заинтересовать... и это было гораздо сильнее, чем желание применить его высокопреосвященство в ритуале. О бесполезности которых старый маг и сам думал уже много лет. Иначе не сменил бы тьму городских подвалов и глухих комнат за фальшивыми стенами на уютный (особенно зимой) сырой лес.

– Ты пришёл только рассказать об успехах теологов Ватикана, *брат* Иоанн? – не глядя на церковника, выдавил колдун. – Или сейчас будешь проповедовать грешникам и одержимым бесами о добровольном очищении через пламя? Этот *ритуал* ты хотел провести вместе со мной?

– Не угадал. – Епископ обвёл взглядом опять напрягшихся слушателей и не удержал победную усмешку. – Я пришёл сказать, что *люди*, когда им требуется *много* воды, не пытаются кататься по дну ручья, стараясь намочиться, а делают запруду.

– Что?

– ЧТО?!

По мере того как смысл слов пожилого священника доходил до каждого на поляне (в зависимости от знания латыни, в основном), существа вскакивали – никто не смог усидеть. Постепенно все взгляды скрестились на Иоанне, причём в каждом из них было столько эмоций, что сутана на пожилom одарённом едва не задымилась.

– Наши практики-алхимики, добрые сыны матери-Церкви, разработали способ, который позволяет возвести стены на пути потока Силы, – веско заявил архипастырь. – Мы опробовали данный способ на принадлежащих храмам и монастырям местах Силы трижды, и трижды был один и тот же результат: это место, в котором «вода чудес» не растекалась окрест, а образовывала сосредоточие. Место, где возможны настоящие чудеса... А ещё в него нельзя войти или выйти, не имея специальных знаний. Для обычного человека сосредоточие недоступно, оно как бы исчезает из мира, а для одарённого возможно только при наличии знания о *точном* местоположении «запруды». Вот полное и исчерпывающее описание всех потребных действий... – Епископ вытянул из-под рясы внушительной толщины свиток, и не бумажный, а начертанный на качественном пергаменте.

И насмешливо хмыкнул, когда документы у него вежливо приняла и немедленно развернула ведьмочка – старый хрыч Асмодеус и тут не изменил своей застарелой паранойе. И напрасно – в бумагах не было никакой ловушки: всё честно, и даже описание ритуала было передано максимально верно. Собственно, он и рискнул прибыть лично и почти в одиночестве в такое место только ради того, чтобы своим присутствием и участием доказать безопасность действия. Понял это и здешний хозяин места Силы.

– И в чём подвох? – мрачно спросил он, наскоро проглядев документы. – Даже будь я наивным восторженным юнцом, и то понял бы, что такие... подарки не сделает и по-настоящему святой бессребреник, и уж тем более – представитель Церкви.

– Зачем нужен какой-то «подвох», когда есть определённый и взаимный интерес? – Высокоставленный представитель духовенства явно и демонстративно наслаждался ситуацией. – Если помнишь, я озвучил его с самого начала: проведём ритуал, ты убедишься, что он безопасен и весьма полезен для вас, а потом передашь информацию другим таким, как вы. Перекроете все места Силы окрест – и Церковь получит землю, свободную от мерзких «чудес». Мы могли бы сделать всё то же самое силой, выбивая одних защитников за другими и самостоятельно проводя ритуалы, но зачем? Зачем начинать войну с огромным числом жертв, когда мы просто можем взять себе каждый то, что ему нужно. Да и быстрее это получится.

– Церковь готова отказаться от святых чудес? – влезла в разговор Халла, которая опять завладела пергаментом с описанием.

– Деточка, Ватикан уже от них отказался, – ответил вместо архипастыря Асмодеус. – Инквизиция рассматривает каждый случай «чуда» и дотошно выискивает его автора, не так

ли, брат Иоанн?

– «Пусть лучше десять праведников пострадают, чем один еретик продолжит творить свои чёрные дела», – пожал плечами и немного скривился священник. – Это официальная позиция, и нас на неё вынудили такие, как ты, чернокнижник. Так что, когда убедишься, что я сказал правду, подай знак – мы с братьями приступим к созданию сосредоточия, а вы, кто захочет, нам поможете.

– Хорошо, – нехотя кивнул Асмодеус и вернулся к ведьме, вокруг которой уже собиралась плотная толпа.

– Величина «запруды» зависит от способности места Силы давать «воду чудес», мы лишь выбираем центр сосредоточия, – по ходу действия разъяснял священник.

Проводимые им и его спутниками манипуляции больше походили на самую что ни на есть богопротивную магию, а не на результат Господнего чуда, но присутствующие тактично воздерживались от комментариев – по крайней мере, пока. Монахи, используя заранее отмеренные куски верёвки, споро составляли вокруг костра замысловатую фигуру из свечей, железных колышков с выбитыми символами и отполированных бронзовых пластинок-зеркал на специальных раскладных упорах – всю эту внушительную коллекцию, как оказалось, нёс молчаливый брат Павел. Параноя пожилого друида никуда не делась, и потому он, немного поколебавшись, указал сделать центром «запруды» именно это место.

– Без всех этих алхимических приспособлений можно обойтись, образовав простейший заклинательный круг. Однако потребуется время, чтобы каждый участник выучил свою часть действий, и немалое... Поэтому сейчас нам поможет брат Андрэ. Вы все направите на него свои способности, а он перенаправит их на зеркала-отражатели с нужной модуляцией. Свечи обеспечивают синхронизацию, а мел в борозде между колышками – переток энергий... Впрочем, сами потом разберётесь, кто не успел. Начинаем.

Поляк, героически изображавший молчаливую стенку всё время, пока говорил старший в отряде, выступил вперёд, нехорошо ухмыляясь на публику и разминая пальцы. Спектакль подействовал – люди и нелюди от высокой фигуры аж попятились, кроме нескольких существ. Ящеры, переглянувшись, слитно шагнули навстречу, поколебавшись, за ними вышли ведьма и саламандр, а за их спинами сгрудились остальные.

– Ну, чего тянете? – «Отродья тьмы» произнесено не было, но осязательно повисло в воздухе, и хозяева места Силы наконец взяли себя в руки. Точнее – вытянули руки в сторону Андрэ.

Воздух между монахом и его антиподами отчётливо задрожал – будь на месте экзорциста другой человек, пусть даже и одарённый, одними неприятными ощущениями он не отделался бы. Об этом же говорила начавшая буквально на глазах «стареть» и словно обугливаться на груди человека сутана – однако сам специально подготовленный воин Церкви, собственной силой не владеющий, только презрительно скривился. Повредить профессиональному изгнателю демонов чистой магией? Ну, может, это и возможно... теоретически, на практике же никто такого эффекта добиться не смог. Другое дело – стукнуть усиленной магией рукой, хвостом или банально укусить. Ну и сосулька, как и камень, разогнанные заклинанием, представляли реальную опасность, в отличие от шара пламени, немедленно гасшего, стоило только изъять из него сверхъестественную основу. Правда, с шаром была другая проблема – вытянуть из него энергию нужно было успеть. Но это так, рабочие моменты. Сейчас же все усилия колдунов и тварей словно проваливались в

бездонный колодец, вместо того чтобы быть повернутыми против своих же владельцев, – зато в бронзовых зеркалах начали разгораться и пульсировать призрачные огни.

Брат Павел, не произнёсший ни слова за время пребывания на вражеской территории, молча повёл рукой – и свечи разом зажглись разноцветными огнями. В центре фигуры, у слегка прогоревшего костра, спиной к пламени и друг к другу встали епископ и бывший чернокнижник – и разом подняли руки. Из уст их полились слова – частью понятные, всё на той же латыни, частью незнакомые: составляя ритуал, церковники «позаимствовали» нужные отрывки из разных заклинаний и источников, включая древнееврейские и древнеарамейские. Что ж, такова доля тёмного мага или одарённого служителя Церкви – знать мёртвые языки.

Между тем над зеркалами словно сгустился до сих пор плавающий на границе освещённого круга туман, образуя стену, с каждым ударом сердца всё более и более плотную на вид. Материальная преграда периодически пульсировала в такт словам ведущих обряд. Так продолжалось довольно долго – на висках живых источников энергии давно выступили капли пота (а у тех, кто пренебрёг одеждой, и не только там), и тем, у кого хватало сил следить за окружающим миром, давно казалось, что они стоят на самом дне глубокого колодца, чьи белёсые стены упираются прямо в небо.

Но вот прозвучал последний звучный аккорд – и «колодец» словно взорвался изнутри! Стены кольцом разбежались в стороны, как вода в луже от брошенного камня, и исчезли за деревьями, а где-то вверху, над головой, возник серебристый свод исполинского купола.

– Всё, – хором объявили маг и епископ и так же дружно закашлялись: перенапряжённые голосовые связки не посмели подвести своих хозяев во время работы, но сейчас можно было расслабиться.

Демоны и колдуны поддержки, едва услышав команду, почти все попадали там, где стояли, и только брат Андрэ, казалось, ничуть не утомился. Правда, всё его веселье улетучилось, стоило ему перевести презрительный взгляд с противников-помощников на свою рясу, теперь выглядевшую как натуральный саван покойника... в котором хозяин пролежал в земле лет эдак пять. Пся крёв!

– Н-ну и? – Халла, оказавшаяся на поверку довольно сильной одарённой, неуверенно оглядывалась по сторонам.

Изменения вокруг казались незначительными – исчез туман, перестали шуметь без ветра верхушки деревьев, да ещё и свет от костра играл размытым пятном на высоком «потолке». И вообще стало явно светлее.

– «Запруда» будет наполняться несколько дней, как настоящий пруд, – закончил массировать кадык чуть светящейся дланью епископ. – Но поскольку мы теперь на самом дне... попробуй что-нибудь сделать. Вы все попробуйте!

Ведьма повела в воздухе пальцами – без видимого эффекта, но на её лице вдруг отразилось ясно читаемое недоверие. Саламандр, поглядев на это, пожал плечами и повернулся в сторону открытого пламени... И то внезапно вытянулось вверх едва ли не выше макушек окружающих поляну деревьев. Все отшатнулись от волны жара и заливающего пространство света, понося на разные лады придурка... и неожиданно замолчали. Переглянулись...

То, что началось дальше, больше подходило под слово «шабаш». В отблесках форсированного магического пламени существа носились по траве, радостно обнимались, перекрикивались и без удержу хохотали. И колдовали. Ну или проявляли способности,

слившиеся с их сутью, – кто как. Откуда-то полилась простенькая музыка – видно, кто-то припрятал свирели и мандолину недалеко в лесу, появилась туша коровы, намекавшая, что крестьяне не зря стараются проскочить «плохое место» в середине дня и кучей. Опьянение бьющей через край Силой, до сей поры многим просто незнакомое, было так велико, что даже Асмодеус растерялся и позволил себя завлечь в стихийно возникший хоровод. Только всеми забытые монахи будто случайно оказались в стороне – и тихо и организованно отступили под защиту леса.

– Ходу отсюда, пока они не очнулись, – поторопил своих спутников брат Андрэ, то и дело мрачно оглядывающийся через плечо. – Не хочу проверять, что будет, если они все разом навалятся.

– Вообще-то Ульфхам гарантировал безопасность. – Пожилой епископ также на ходу обернулся, прислушиваясь к долетающим весёлым выкрикам. – Но ты прав, брат мой, не будем гневить Господа. Тем более с проклятого адом ублюдка станется придумать гадость в обход данного обещания. Да и меняются со временем люди... и нелюди тоже.

Но Бог не выдал своих людей – границу искусственной пространственной аномалии троица монахов миновала без приключений, оказавшись в знакомой еловой чащобе. Вокруг опять плавал плотный противно-сырой туман, шумел ветер, а вот свет, зажёгшийся было в ладони архипастыря, очень быстро померк до едва тлеющего огонька. Пришлось озаботиться подготовкой факелов, благо материала хватало, а сырую мёртвую древесину «уговорил» заняться ярким пламенем тягучий состав из очередной склянки, извлечённой из-под сутаны брата-алхимика.

С этой стороны наличие границы «запруды» вообще никак не ощущалось. Более того, судя по тому, как резко теперь переходил мокрый хвойный лес в не менее мокрый широколиственный, пространство, попавшее под заклинание, оказалось как бы вырвано из привычного мира, стало самостоятельным анклавом.

– Придурок Ульфхам всё-таки сам себя перехитрил, – вдруг внезапно развеселился Иоанн. – Ведь наверняка у всей этой весёлой кодлы там, дальше, на болоте, что-то вроде хутора или деревеньки на острове – не под ёлками же они зимой тут живут? А теперь пусть покукуют в лесу, хе-хе. Даже интересно, как они будут корячиться: на один дом под куполом древесины, скорее всего, хватит, а вот нормально расселиться... Ну, это уже не наша беда.

– Может, сходим поищем хуторок? – с азартом высказался шляхтич, так в душе и не отказавший от лихих привычек, приведших его в конце концов на поприще борьбы с колдунами и нечистью... не совсем добровольно. – Там, небось, много чего интересенького заныкано.

– Окстись, брате, – фыркнул архипастырь. – Или в болоте утонуть хочешь? Тропа-то неизвестная, а мои способности сейчас... Ну, сам видишь. И вообще, стяжательство – грех. Радуйся, что всё замышленное выполнили от и до, пора и честь знать.

– Как скажете, отче. – Аргумент с утоплением был весьма весомым.

– Тогда двинули, с Богом.

Ну, «двинули» – это было сильно сказано: плохая видимость и чащоба, полная одинаковых во тьме стволов, мало способствовали скорости и прямооте передвижения. Ориентироваться приходилось прежде всего на уклон местности, всё время поднимаясь «в горку», а это не всегда получалось. В итоге через двадцать минут блуждания монахи вышли на очередную полянку – в этот раз маленькую, но тоже занятую. Посреди лишайникового пятна вытянулся на боку знакомый белый волк... и помирал. По крайней мере, на людей он

не отреагировал, только дышал тяжело и громко. Брат Павел, держа наготове новый сосуд с зажигательной жидкостью, подобрался к зверю поближе, заглянул в морду, но вместо умных жёлтых глаз увидел лишь два слепых бельма и разочаровано распрямился.

– Э-хе-хе, старость – не радость, – прокомментировал епископ и поучительно обратился к младшим спутникам: – Вот что бывает, когда магией отгоняешь старость! Да и размеры себе нагнал, бедняга – а сейчас сердце давит на лёгкие, а на них – печень и селезёнка. Не дано ведь волкам до размеров льва вырасти, против воли Божьей.

Добить умирающего Хранителя чащи, на свою беду оказавшегося вне круга сработавшего заклинания, никто даже и не подумал. А ещё через пятнадцать минут блужданий отряд неожиданно вышел на дорогу. Над просёлком висело густое молочное марево, ещё более плотное, чем в лесу, но только до пояса взрослого человека. А небо над головой, как оказалось, уже посинело, предвещая скорый летний рассвет.

– Долго мы... – протянул поляк и вдруг замер. Потом откинул уже не нужный факел и приказал: – От деревьев, быстро!

И первым выполнил своё же указание. Братья тоже не подкачали, и выскочившая из-под сводов чащобы пятёрка преследователей вынужденно затормозила. Халла, явно командующая отрядом, в этот раз всё-таки оделась – правда, получилось ещё более непристойно, чем полная нагота: не должна женщина надевать обтягивающие кожаные шоссы^[3], бесстыдно подчеркивая свои формы, да и колет^[4] был ей явно тесен в груди. Сопровождали ведьму оба ящера, видимо, ими планировалось нейтрализовать экзорциста, и двое крепких мужчин, один из которых щеголял снежно-белой шевелюрой и хвостом с кисточкой, а другой – короткими рожками и странно искривлёнными ногами. Четыре демона при поддержке тёмного заклинателя, двое сильных и стойких, двое ловких и подвижных. Умно. Если не учитывать один нюанс...

– Я вижу, Ульфхам наконец научился нарушать собственное слово, – удовлетворённо и, главное, громко отметил брат Иоанн. – Растёт над собой, прогрессирует.

– Это была моя воля, глава Ульфхам ничего не знает, – запальчиво ответила молодая девчонка.

– Да-да, конечно... Именно потому он сбавил самых сильных и самостоятельных подчинённых на верную смерть. Тьма, дочь заблудшая, никогда не меняется. Подумай об этом.

– Чего вы ждёте? Ату их! – набросилась Халла на своих спутников, и те неохотно двинулись навстречу монахам.

Неохотно, потому что слишком уж спокойно их ждали люди, а экзорцист даже не пытался раскрутить над головой своё грозное в умелых руках оружие. У демонов тоже не было ничего, похожего на клинки, но обольщаться не стоило – физической силы или доступной скорости им было достаточно, чтобы убить противника, просто ударив.

– Благослови, отче! – внезапно опустился перед епископом на одно колено экзорцист.

И это послужило спусковым крючком для разворачивающихся событий.

– Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа, – успел наложить знамение на подставленный лоб священник, и поляк словно выстрелил собой из пушки навстречу подбегающим антропоморфным ящерам.

И врезался в них, как ядро, вскидывая руки. Блок относительно медлительные демоны поставить не успевали, да и не собирались – их плотная чешуя служила прекрасной защитой от ударов и даже мечей... Должна была служить. Две скрючившиеся туши отлетели в

стороны, и шляхтич с молодецким выкриком просто проскочил между рефлекторно отшатнувшимися ловкачами. И, не останавливаясь, бросился к ведьме. Пока растерянные неожиданным манёвром рогатый и хвостатый решали, что делать, в руках у молчаливого брата Павла появились короткие и довольно изящные двуствольные колесцовые пистолеты. Малая длина ствола компенсировалась просто чудовищным калибром «всунуть два пальца» и картечью, воспламеняющейся в воздухе. Стрекот механизмов спуска привлёк внимание «ловкачей» – минусом продвинутого оружия была скорость выстрела, – но уйти с траектории разлёта поражающих элементов демонам, несмотря на свою быстроту и ловкость, до конца не удалось. И опять: попавшие картечины должны были лишь ранить тренированных бойцов, но никак не заставить с воем кататься по траве.

Тем временем Андрэ поймал грудью выпущенный ведьмой «подарок» – тёмный шар праха или чего-то такого же неприятного, но эффект оказался слабым – всего лишь окончательно разорвал ткань спереди и заставил висящий под ней медный крест позеленеть и покорёжиться. Не удивительно, ведь магия предназначалась против одарённого епископа, но не экзорциста, развалившего отработанную тактическую схему. В следующую секунду монах просто прыгнул и подмял своим весом противницу.

– Исполнительность – это хорошо, но надо же и свои мысли иметь, – осуждающе обратился к лежащим на земле ящерам архипастырь. Обе антропоморфные рептилии так и не смогли разогнуться, более того, из их пастей текла, не останавливаясь, густая кровь – удары поляка явно разорвали им нутро. – А всё потому, заблудшие во тьме, что без Силы вы – ничто. Будь тут прежний её разлив, и не смог бы брат Андрэ из вас её вытянуть целиком, пришлось бы помучиться. Что ж. Отказались от дара Божьего – тела, созданного по образу и подобию Его? Тако и отправляйтесь в геенну огненную. Аминь!

Рефреном к этому своеобразному напутствию прозвучали два выстрела – алхимик успел перезарядить свои носимые картечницы и прикончил вторую двойку нападавших. А вот у шляхтича всё оказалось не так... быстро.

– Брат Андрэ, чем это вы там занимаетесь? И не мешаем ли мы вам? – с отчётливым сарказмом поинтересовался пожилой мужчина, с дороги разглядывая происходящее на обочине.

Вопросы были чисто риторическими – можно было даже не подходить, чтобы расслышать женские стоны и тяжёлое мужское дыхание, однако поляк, не отрываясь от процесса (что выдавало немалый опыт в подобных делах), бодро ответил:

– Провожу ритуал изгнания! Совершенно не мешаете!

– Спасибо, хоть присоединиться не предложил, – осуждающе покачал головой епископ. – Вот напрочишься ты у меня на епитимью, прохвост. Ладно, как закончишь с... «ритуалом», отдай девке второй комплект свитков с описанием пространственной техники и убеди не возвращаться к Ульфхаму – прибьёт ведь, старый козёл...б. Девочка умная, найдёт куда прибиться – с таким-то шикарным подарком. Тогда, хе, «друид» точно не сможет зажать себе привилегию создания «запруд». И – да! Оставь ей что-нибудь из вещей, жмот несчастный, хотя бы плащ, а то ведь не дойдёт же!

Россия, Московская область, деревня Грязи 2005 год

Старый, но крепкий и всегда тщательно выкрашенный дом-сруб с высокой мансардой, стоящий чуть на отшибе от остальных деревенских дворов деревни, все местные, сколько себя помнили, всегда величали не иначе как домом ведьмы. Уже настолько привычно, что

даже без всякой задней мысли говорили: «Пойти на луг за ведьмов дом», «Колодец у ведьмова дома» – ну и так далее. Самое младшее поколение грязевских, как и положено в их возрасте, шептливое, дурное и бестактное, называло ведьмой и единственную жительницу этого строения. Ну а что, логично же: ведьмов дом – живёт ведьма. Смешно! Нет, ну правда! Кем ещё может быть старуха с таким необычным именем? А вот дети постарше, лет с двенадцати, завидев сухопарую чопорную фигуру «ведьмы», идущую по улице, предельно вежливо улыбались и обращались к пожилой женщине не иначе как Людвиг Степановна. Ну или «наша Людвиг», если за глаза. Что интересно, имя сельской учительницы русского языка и литературы смешным им не казалось.

Сколько лет было Людвиге Степановне, точно никто не знал, однако её уроки помнили ещё те, кто вместе с матерями вернулся на родную землю после контрнаступления 1942 года, когда фашистов удалось окончательно отбросить от Москвы. Казалось, время не властно над классной дамой – и Людвиг Лазоревич была столь же привычным элементом окружающей среды, как и её дом.

Но всё когда-нибудь кончается. Однажды «ведьмы» не стало. Её пустое и словно впавшее в печаль жилище некоторое время стояло с наглухо закрытыми ставнями – наследники, обнаружившиеся аж во Владивостоке, как-то не спешили вступить во владение внезапно свалившимся имуществом. Однако в конце концов владельцы «удачно» (то есть сильно продешевив) смогли сбавить недвижимость дальним родственникам знакомых своих приятелей, и в старый дом пришла новая жизнь.

Ведьмов дом стал летней дачей для семьи москвичей с маленьким ребёнком. О прозвании строения они не знали (а то бы ещё два раза подумали, стоит ли покупать), да и самих местных, кто мог просветить, честно сказать, в деревеньке уже осталось маловато, всё больше такие же дачники. Зато в наличии был гиперактивный карапуз, и потому жилище старой учительницы подверглось решительной ревизии с извлечением и сортировкой всего лишнего, дабы оное не упало на чадо либо не послужило источником очередного пятна стойкой грязи на одежде или не менее очередных ссадин и царапин на самом малыше. Сама «ведьма» в последние десятилетия не поднималась выше первого этажа – мансарда оказалась буквально завалена разнообразным хламом. Собственно, при въезде родители мальчика отмыли-отчистили жилые помещения, выкинув лишнее и только раз заглянув «на чердак», после чего в ужасе захлопнули потолочный люк, отложив археологические работы на неопределённое «потом». На этом всё, скорее всего, и кончилось бы, но... как иногда пафосно пишут в некоторых книгах, «у Судьбы было на этот счёт своё мнение».

Надо начать с того, что прозвание «ведьмин дом» закрепилось за крайней избой в деревне Грязи далеко не случайно: в маленькой деревушке всё на виду, и потому редкое появление таинственных посторонних, возникающих из ниоткуда по ночам и так же пропадающих в никуда, не могло остаться незамеченным. С последнего такого случая прошло уже добрых сто лет – старый дом сгорел в девятнадцатом году (не без участия добрых соседей, надо отметить, а что случилось с жильцами – история умалчивает), а новый построили в стороне от пепелища. Однако память народная оказалась крепка: причины давно забылись, а ярлык прилип – не отодрать.

Новый дом недалеко от старого всем миром возвели на отшибе в тысяча девятьсот двадцать первом – новая власть озаботилась прислать в тогда ещё большое село учительницу. Немолодая уже дама Лазоревич с маленькой дочкой и без мужа была не в восторге от

назначения – до революции она была преподавателем словесности в престижной гимназии и учила детей преуспевающих купцов и зажиточных горожан. С другой стороны, голод – не тётка, а с едой даже в столице наблюдались нешуточные проблемы. Да и не только с едой. А «немытые» крестьяне образованную женщину приняли, можно сказать, с распростёртыми объятиями... правда, при этом поселили на «проклятом месте» – но так ведь не своя же, чужая. Да и предрассудки это всё и суеверия: ведьмы, нечисть – нет ничего такого. Меньше попов надо слушать. Религия – опиум для народа!

Людвига с матерью жила, по деревенским меркам, шикарно – у них была «городская» мебель и всякие штуки вроде старинного зеркала с затейливым узором по массивной раме или аж двух керосиновых ламп с зелёными шёлковыми абажурами. Лампы, правда, вскоре перекочевали в школу, где были нужнее (электрификация шла по стране быстро, но отнюдь не мгновенно), но и остальные предметы радовали. Тем более что о многих вещах училка могла рассказать весьма занимательные истории – отец старшей Лазоревич, дед Людвиги, держал ломбард. Дела особенно пошли перед и во время революции, и кое-что из семейного фонда старинных ценностей (не золота или драгоценностей, конечно) в водовороте Гражданской войны удалось сохранить. На память учительница никогда не жаловалась, рассказывать умела с редким талантом.

В том числе Людвига несколько раз слышала рассказ и об упомянутом зеркале, правда, в более полном, не публичном варианте. Мать говорила, что оно специально выполнено в таком виде, потому что использовалось в салоне некой княгини в качестве гадательного, а чёрточки и закорючки орнамента на самом деле некие руны. Сделано же зеркало вовсе даже в Италии действительно для неких оккультных нужд, о чём на окладе есть соответствующее клеймо мастера, а нарочито грубоватый стиль – стилизация под более ранние работы. Известно же, что в своё время стеклянные зеркала были секретом итальянских ремесленников из нескольких семей и стоили столько, что, бывало, на одно такое стекло меняли целое поместье.

Лазоревич-старшая по молодости была изрядной нигилисткой и «во все эти глупости попов» не верила (что ей изрядно помогло во время известных событий) и разбиралась в антиквариате посредственно. Собственно, в рассказ отца она тоже не особо верила, но всё, что у неё осталось от родителя, – только вещи и связанная с ними память... И невдомёк ей было, что зеркало действительно было создано для оккультных целей и что равносторонний крест с расширяющимися к концам лучами на клейме означает не просто «итальянского мастера», а возраст самой «стекляшки» на сто лет больше обозначенного наобум содержанием небольшого столичного ломбарда.

Бывают везучие люди, а бывают – везучие предметы. По Грязям дважды прокатилась линия фронта, но зеркало не только пережило артобстрелы, бомбардировку, но и не уехало в Германию вместе с обозом хозяйственных Гансов – прихоти войны. Впрочем, на фоне другого совпадения это казалось обычной бытовой мелочью.

Передвинув «ведьмин дом», крестьяне, сами того не зная, поместили его прямо над рукотворной пространственной аномалией – впрочем, узнать об этом они и не могли. Собственно, «запруда» никак не проявляла себя снаружи. Даже если прямо в её границы поместить предназначенный для работы с магической энергией артефакт. Для активации системы требовался ещё один... гм, компонент.

По крутой лестнице прошуршали несмелые шаги – ступени ещё слишком высоки для

почти шестилетнего голубоглазого блондина, но – а руки-то на что? И перила, точнее, их столбики. Правда, не вовремя попавшийся под руки торчащий остриём из расщела дерева тонкий гвоздь только что проколол нежную кожу на детском пальчике, но юный исследователь лишь досадливо переменял конечность, а пострадавшую засунул в рот (сколько поместилось). Было бы круто, если бы резко пахнувшей ваткой прижать, как в том кабинете врача, где он ничуть не испугался, но чего нет – того нет. Да и – интересно же!

Двухдневный затяжной дождь ещё в первые сутки доходчиво объяснил дачникам, откуда у деревни появилось столь говорящее название, а уж на вторые... Делать было решительно нечего, и родители затеяли разборку вечно закрытого второго этажа, на который малец неоднократно пытался попасть. И вот наконец – УДАЧА! Тем более, тучки всё-таки нехотя разошлись, и взрослые переместились во двор собирать из мокрой кучи «совсем хлама» будущий большой костёр. Но то будет вечером, а сейчас... ух!

Новая локация не подвела – старые покосившиеся шкафы, набитые книгами (преимущественно старыми школьными учебниками разных годов и справочниками, на которые у старших Бедовых не поднялась рука) и пустыми пыльными разнокалиберными банками, представлялась ребёнку чем-то вроде таинственного подземелья-лабиринта, полного сокровищ. Из последних с ходу удалось отыскать крутейшую медную пуговицу со звездой и огромного паука, в ноготь большого пальца размером, чей дом был разрушен бездушными взрослыми, отчего членистоногое вынуждено было заняться строительством вновь. Паука исследователь трогать не стал (какое же подземелье без паутины? А мама всё взяла и убрала!), тем более что его внимание привлёк тусклый блеск стеклянной поверхности у стены. Зеркало! Большое! Дома такое только в платяном шкафу есть, а шкаф, как и чердак, постоянно закрыт, какая несправедливость! Маленький Бедов уже и забыл, что успел пораниться, и схватился за раму пострадавшей рукой, вглядываясь в своё отражение. Кровь человека, имеющего нужную способность, активировала артефакт, а месторасположение обеспечило энергией. И изображение за стеклом сменилось, послушное воле юного экзорциста.

Часть первая

Учиться, учиться, учиться...

1

В сё-таки прикольно быть студентом. Гораздо интереснее, чем школьником, хотя я себе и подпортил контраст, закончив последние два класса экстерном. То ещё веселье было, особенно в свете того, что я поставил себе целью получить аттестат за год, а не за два. Охренеть, какое весёлое было «приключение», честно сказать, не раз и не два успел пожалеть за первые полгода, что вообще в это всё ввязался... А потом вдруг понял – справляюсь. Справляюсь! Ни с чем не сравнимое чувство самостоятельной крупной победы – первой в моей жизни. Вспоминая себя в начале всей этой эпопеи... Скажу честно, я был наивным ребёнком. Серьёзно, за этот год, как мне теперь казалось, я повзрослел лет на десять – тем более, что было у кого поучиться: всё-таки школа-экстернат рассчитана на целеустремлённых людей, знающих, что они хотят. Взрослых то есть – вне зависимости от возраста. А уж контингент одноклассников... Даже вспоминать не хочу. В итоге – минус красивый торжественный выпускной (никогда не понимал прелесть пьянок-гулянок), минус друзья из предыдущей школы рядом с домом (на них тупо не оставалось времени) и плюс – я студент первого курса Медицинского университета, хотя мне всего шестнадцать. Тут я, по идее, должен сказать: «Жаль только, оценить некому»... Но не скажу. Есть кому. Собственно, один бы я и не справился. По счастью, я уже забыл, когда в последний раз был по-настоящему один...

Февраль – месяц «ящериц». Раздолбан, прогуливающие в течение семестра лекции, семинары и практикумы, забивающие на учёбу и обросшие «хвостами» за время сессии, теперь срочно пытались отбросить лишние органы, дабы за эти самые «хвосты» не быть отчисленными на фиг. По счастью, у меня хватило мозгов прислушаться к советам преподавателей и выдержать хорошую посещаемость, благо, чтобы заболеть, мне нужно совсем уже по-дурному переохладиться или напортачить с едой: то ли повезло с организмом, то ли ещё один бонус от событий одиннадцатилетней давности...

В общем, мог спокойно и отстранённо наблюдать за толпой однокашников, очередями выстроившихся к гардеробу, и наслаждаться зрелищем. Два полюса контраста: парни, слегка заросшие щетиной и с красными глазами в мятых, словно корова пожевала, халатах^[5], и девушки, соревнующиеся длиной (точнее, наоборот, короткостью) юбок и открытостью блузок, с идеально наложенным макияжем (маскирующим, в основном, всё те же мешки под глазами). По понятным причинам меня интересовала именно вторая группа. Вот, например, пристроившаяся с тетрадкой у кадки с декоративным кустом и полностью ушедшая в себя красавица, на бедре которой через почти прозрачный материал чулков проступают китайские иероглифы.

Я ощутил давным-давно ставшее привычным чувство – словно легчайшее давление, и изящные закорючки разом стали понятны.

– *«Изготовлено из вторично переработанного сырья»* – «вслух» перевела мне Ми и неуверенно предложила: – *«Может, стоит ей сказать?»*

– Не думаю, что она обрадуется. – Я послал собеседнице образ ухмылки и наконец поприветствовал: – *Доброе утро, солнышко!*

– Ага, утро... – Сонный зевок. – *Ещё не началось? Тогда я умываться... уа-ау... И кофе...*

Да-да, я слышу голоса в голове. Точнее, голос, и, при желании, то, что слышит его обладательница. И могу видеть то, что видят её глаза, как и она может посмотреть через мои. При необходимости могу даже перехватить контроль над телом – правда, в этом случае мне самому лучше сидеть или стоять, мозги человека не предназначены для управления сразу двумя парами рук и ног. Я знаю, о чём говорю, пробовал – ощущения незабываемые... сногсшибательные, я бы даже сказал, и синякинабивательные.

В обратную сторону наша связь тоже работает, кстати. И нет, я не сошёл с ума, не страдаю галлюцинациями и даже не завёл себе управляемую шизофрению под названием «тульпа»^[6], хотя, как я теперь понимаю, в раннем детстве я считал Мирен кем-то вроде воображаемого друга. Зато, когда добрые родители перед поступлением в первый класс решили объяснить сыночку, что именно не стоит говорить школьному психологу, я дал себе труд наконец осознать, с кем общаюсь.

Самое смешное, что про Ми я папе с мамой никогда не рассказывал – просто потому, что это была *моя* подруга, а не навязываемые «хорошие» дети друзей семьи.

С соседскими детьми по даче мне общаться без присмотра матери запрещалось – с высоты своего возраста могу сказать, что в известной степени был сам виноват. Излишне живое воображение в сочетании с мнимой свободой действий регулярно заставляли меня творить нечто вроде подкопа под забор детского садика или полного коробка жуков-пожарников, выловленных на прогулке и выпущенных во время тихого часа неосторожной воспитательницей. Причём, поучаствовав в разработке и реализации проекта, к его практическим результатам я обычно не проявлял особого интереса: с территории через реализованный подкоп не сбежал и коробку с жуками великодушно отдал приятелю. Автор очередного «приключения» обычно быстро находился, и следовал очередной же выговор от родительницы. Потому я научился играть сам с собой, ну а потом мы приехали на лето в деревню, и там я нашёл старое зеркало.

Что тогда произошло? Точно не знаю. Помню, как заглядываю в зеркало, и вдруг моё отражение пропадает, сменяясь отражением пятилетней девочки, удивлённо смотрящей на меня с той стороны. Будь я повзрослее, испугался бы до дрожи, но тогда я чувствовал невероятное любопытство. Приключение! Я же за этим и забрался на мансарду. Повинуясь наитию, положил ладонь на стекло – и Мира (тогда я, конечно, ещё не знал, как её зовут) повторила мой жест. И наши руки на секунду встретились, будто никакой преграды не было! Смутно припоминаю, что вроде бы увидел загоревшиеся по периферии зеркальной поверхности то ли символы, то ли узор... Или я потом уже себе это придумал? А потом... я услышал её. «Привет, я Дима». «Привет! А я Миррей, – с запинкой выговорила своё имя собеседница. – Мама зовёт меня Ми. Давай дружить?» «Давай!» – «Ой, здорово! А то мама ушла, и мне скучно, хнык».

Ну и так далее – в зеркале уже давно отражался я сам, но Ми словно была рядом со мной. Небольшое усилие, заметно меньшее, чем позволяло моему воображению, например, «превратить» лавку у дома в сёрфинговую доску – и я легко мог «сказать» невидимой, но словно стоящей рядом собеседнице всё, что хотел. Помню, мы проболтали, наверное, час, успели придумать совместную игру в пилотов самолёта (мегаудобное продавленное кресло в

«гостиной» у меня на даче и схожий предмет мебели у Миры как раз пригодились), первого и второго, благополучно «взлететь» и даже пару раз «попасть в аварию», совершив пару аварийных посадок, и только тогда нас почти синхронно позвали есть. Разговор прервался – у меня даже мысли не возникло о том, как это сделать, просто попрощались, и всё. И только после еды, утопав в сад под сень старых яблонь, я испытал некоторые сомнения, что вновь удастся пообщаться с такой замечательной подругой: редко кто понимал меня настолько с полуслова. «Ми?» – неуверенно позвал я. «Я тут!» – тут же вернулся ко мне ответ. «Давай играть!» – «Давай!»

Наверное, я очень осчастливил своих родителей тем летом – количество времени, которое я проводил как бы сам с собой, резко возросло. Да и Мирен стала гораздо меньше теребить маму. Удивительно, но развлечений нам хватало. Особенно интересно было случайно открывать всё новые и новые аспекты нашей связи. Однажды мне так захотелось показать Ми звёздное небо, которого она ни разу не видела вживую, что я сильно напрягся, пытаясь отослать не слова, а картинку... И внезапно – удалось! Надо сказать, моей подруге пришлось попытаться значительно больше, чтобы сделать то же самое, – собственно, у неё и не получалось, пока я каким-то образом ей не помог.

Тогда я впервые увидел изнутри коттедж семьи Родика – старинный каменный двухэтажный дом, просто забитый огромным количеством самых разнообразных интересных (по крайней мере, с точки зрения ребёнка) вещей. Книжки, картины, старинная мебель – гораздо больше и в лучшем состоянии, чем у нас в деревенском доме, старинные лампы, статуэтки и чучела животных и прочее, прочее, прочее. Преобладали, как ни странно, книжки, их Русандра Родика, мать девочки, просто обожала. Правда, чуть ли не половина, с позволения сказать, собрания были дамские романчики, зато на добром десятке языков мира!

Мы с Мирен были в восторге: привычная ей обстановка казалась для меня настоящей сокровищницей, а ей были в новинку виды внешнего мира за пределами небольшой территории вокруг собственного дома. Выйти за границы этой территории, которую родительница подруги называла холдом, Мира самостоятельно не могла, а мать её банально никуда не брала, хотя и регулярно отлучалась «по делам». Кстати, именно тогда я впервые увидел настоящую магию – если не считать работы зеркала, которое, кстати, так больше ни разу и не «включилось». Правда, то, что туманные белёсые стены, замыкающиеся куполом где-то высоко над крышей коттеджа, являются чем-то необычным, до меня дошло далеко не сразу. Ну, что сказать – мне было пять с половиной лет, какой уж там анализ...

Как я и сказал, от родителей информацию о новой подруге я скрыл – хотя, если подумать, как бы они могли запретить мне общаться с тем, кого не видят? К счастью, я сам до такой простой мысли тогда не додумался. Мира не рассказала матери о друге по сходной причине: девочка видела других людей по телевизору, на фото и картинках, но живое общение, особенно со сверстниками, было строго лимитировано. Над дочкой-блондинкой Руке во время приезда редких гостей разве что коршуном не вилась, контролируя буквально каждый жест и каждое слово. Впрочем, как позже выяснилось, на это была весьма веская причина, но пока всё казалось необоснованным притеснением. Встретились два одиночества, что называется.

Кстати, об именах: как выяснилось некоторое время спустя, «разговаривали» мы с Ми не на русском, и уж тем более не на родном для Родики-младшей румынском. Однако с простыми словами всё и было просто, проблема оказалась только в восприятии имён. С

другой стороны, правильно произнесённое на румынском Мирен аналогично французской версии того же имени Мирей (Мирей Матье, знаете, наверное?) и русскому Мира. Ну а с уменьшительной формой Ми и вовсе никаких проблем не было. Если подумать, то тут даже меньше различий, чем Иван на русском и Джон на английском, хотя это одно и то же имя. Матери моей подруги на количество синонимов повезло меньше – всего два варианта, Русандра и Роксана, дочь упорно величала мамочку Руке, та уже привыкла.

К слову сказать, мама у Ми была эффектной красавицей с гривой великолепных каштановых волос, правильным красивым лицом, огромными тёмными глазами – о таких говорят: «чарующие омуты», ну и всё остальное не подкачало. Фотомодели, которым платят деньги за фотосессии, увидев Роксану, могли бы только удивиться от зависти: кроме потрясающей внешности, Руке ещё и не менее потрясающе пластично двигалась. Правда, всё это я понял спустя несколько лет, когда настала пора полового созревания, а пока мать подруги была для меня просто красивой тётей...

Моя очередь наконец подошла, и я, передав свою куртку, в обмен получил номерок. Всё, можно идти на лекцию – надеюсь, аудиторию уже открыли. Хорошо бы, потому что мне ещё одну соню тормозить: не сказать, что Мира была прямо уж такой совой, но поспать с утра любила. Лекции Ми записывала вместе со мной, точнее, мы делали это по очереди. Очень удобно, иногда я просто не понимаю, как другие люди обходятся без такого вот «удалённого помощника» у себя в голове? Можно делать одновременно два дела – готовиться к семинару и слушать преподавателя, конечно, при условии, что твоему партнёру это тоже интересно. Но первый курс меда – куча общеобразовательных предметов вроде химии и биологии, которые моей подруге очень даже нравились.

Мой выбор вуза был далеко не случаен, скорее, это была реализация долговременной стратегии, принятой, в свою очередь, из прямой необходимости. Высшее медико-биологическое образование было самым простым и самым надёжным способом получить систематизированные знания в требуемой области и, самое главное, научиться их правильно применять. Так, например, люди с проблемами в голове стараются выучиться на психологов, чтобы понимать, что с собой делать. Нам с Ми понимание принципов работы собственных организмов было так же актуально, потому что мы собирались жить долго и счастливо, и, разумеется, вместе, образовать семью, обзавестись, когда придёт срок, детьми. Довольно естественное развитие событий, не находите? Даже если забыть, что Мирей единственная, кто меня прекрасно понимала, одна её внешность, постепенно, за вычетом цвета волос, становившаяся копией материнской, того стоила. И характер. И Ми меня любит, как и я её! Да проклятьё, зачем объяснять прописные истины? Вот только на пути нашей мечты стояли некоторые... объективные обстоятельства.

Мы всегда знали, что встретимся: из холода можно было выйти в нормальный мир, если знать как. Русандра сама охотно рассказала это в ответ на прямой вопрос, только дочь обучить отказывалась, ссылаясь на возраст. Но я воспринимал это как само собой разумеющееся: мои родители тоже сильно ограничивали меня в свободе передвижений, пока был маленький, да я и сам не рвался. Постепенно я рос, через год после нашей встречи я пошёл в школу, и ещё через полгода родители даже отпускали меня туда одного. Было понятно, что подобное будет и с Мирой – надо только подождать... Н-да. Я был прав, но и ошибся. «Просто подождать» оказалось недостаточно.

Когда после одиннадцатого дня рождения Мирен Руке решила наконец «серьёзно поговорить» со своей дочерью, выяснились... гм, занимательные подробности. Чёрт бы их

побрал. То, что свою (и Ми тоже) расу Русандра обозначила словом «демоны», меня не напугало – мало ли кто как себя называет. А вот дальше оказалось, что мать и дочь – суккубы. И что за известным ярлыком стоят вполне конкретные проблемы, которые будут у Ми в скором будущем. О, Руке была... весьма подробна в рассказе – и очень, очень убедительна. В какой-то момент девочка просто спряталась за меня – мы недавно освоили эту возможность, хоть какой-то эрзац возможности прикоснуться друг к другу, пусть и виртуально. Мои нервы оказались крепче, чему немало поспособствовала всхлипывающая Мирен за моей «спиной»: дослушал до конца, даже нашёл в себе силы задать пару вопросов и увёл тело Ми в её комнату. И потом несколько часов утешал, в том числе пообещав, что она будет моей женой – без вариантов, и «проклятье демонов любви» её не коснётся.

Даже одиннадцатилетнему, мне было понятно, что за словами должны последовать конкретные действия. Которые в том числе привели меня и к окончанию школы экстерном, и к выбору будущей специальности. Хотя тут, скорее, был разумный компромисс – мне действительно нравилось то, чем я занимался, и то, что изучал. И быть студентом было офигенно – ещё никогда у меня не было столько личной свободы! А вот Мирен ещё предстояло самое интересное и самое сложное – выйти за пределы дома, пока – в общество таких же, как и она, нелюдей. Руке пообещала начать «практические занятия» этой весной. Начало их мы ждали с нетерпением оба: мир демонов и магов по большей части представлялся нам весьма схематично – не сказать, чтобы Русандра была потрясающей рассказчицей. Впрочем, февраль – месяц короткий. И он уже заканчивался.

2

Демоны, магия, «проклятье суккубов» – и как всё это связано с моим поступлением в мед? Наверное, стоит объяснить. Если очень коротко, то все живые организмы для обеспечения своей жизнедеятельности вынуждены постоянно обеспечивать клетки своего тела энергией для работы и строительными материалами для обновления и роста. Всё это мы получаем с пищей – часть её сжигается с выделением энергии прямо внутри клеток, часть – разбирается на составные элементы, «кирпичики» для строительства. Это если не считать растений, которые умеют получать энергию прямо из солнечных лучей и создавать новые «кирпичи» из воды и воздуха. Так вот, демонам, в отличие от людей, кроме еды для жизни нужна Сила.

Сила – это... нечто. Некая... энергия, наверное? Ну, точно не субстанция – согласно собраным в поместье Родика книгам на эту тему, отыскать материальный носитель так и не удалось. Я уже говорил, что Руке, как сорока, стащила домой целую кучу макулатуры, но среди завалов вырвиглазной современной и не очень любовной беллетристики есть настоящие жемчужины. Например, как вам трактат начала семнадцатого века (!) на итальянском (!!), отпечатанный в Ватиканской типографии (!!!), где некий «смиранный брат Франциск» велеречиво разглагольствует о допустимости чуда Божия в повседневной человеческой жизни? Не знаю, сколько может стоить такая реликвия, но явно не меньше, чем иной спорткар! А Мирен просто взяла её с полки почитать перед сном. Не скажу, конечно, что книжных редкостей в холде много, но дом ведь и не только книгами набит. Опять же, если вспомнить историю с зеркалами, остаётся только гадать, каким артефактом может быть вот этот венский стул с резными ножками или вот эта мраморная статуя,

подозрительно похожая на греческую. Увы, но я не искусствовед, и становиться им не собираюсь, есть кое-что гораздо более актуальное...

Труд брата Франциска мы с Ми осиливали месяца три... *Всего* месяца три! Не уверен, что у профессионального переводчика-языковеда получилось бы быстрее. У суккубов действительно потрясающие способности к языкам. По несколько страниц в день, продравшись через устаревший слог и кое-как поняв (обычно банально нагуглив) часть терминов, а о части просто догадавшись, нам удалось составить некое представление о чудотворцах – собственно, демонах, колдунах и «святых». Между последними, кстати, можно было смело ставить знак равенства – в смысле не по делам, а по способу совершения сверхъестественных действий. Магии то есть. Собственно, об этом и повествовала большая часть труда, наверняка не предназначенного для широкого ознакомления верующими. Однако почти в прямом смысле между строк удалось найти нужную информацию.

Итак, Силу *знающие люди* сравнивают с водой, а стационарное заклинание холда, вроде того, что окружает коттедж Миры и Руке, – с запрудой. «Запруда» нужна не только, чтобы «мудро отделить агнцев от козлищ» (это цитата из труда Франциска), но и для обеспечения комфортного существования демонов, которые без этой самой энергии начинают чувствовать себя не слишком хорошо. Грубо говоря, если святой или чародей может использовать силу для создания «магической противоестественной манипуляции» (опять цитата), то «демоническим отродьям» нужна постоянная подпитка. Лишение её ведет к разным эффектам – от банальной потери способностей и до болезни и смерти. «В зависимости от степени искажения замысла Божия», то есть от вида демона. Ватиканский монах весьма сожалел, что «мерзкие богопротивные твари» не могут умереть от лишения силовой подпитки все и сразу, но в конкретику, к сожалению, не вдавался. Так что вопрос о возможности жизни суккубы вне холда остался открытым.

Разумеется, Ми при моей поддержке попыталась расспросить мать... м-да. Нет, кое-что узнать всё-таки удалось, например, что все демоны именно потому и живут в холдах, что тут уровень Силы всегда комфортный. И что из холда в холд можно попасть, не выходя «наружу». Однако, что касается родовых особенностей, Руке словно воды в рот набрала – или отмахивалась, что объяснит всё позже, «года через четыре, когда ты повзрослеешь», или просто говорила, что не знает. Нет, что-то она попыталась честно объяснить, но... Как я и сказал, из Роксаны Родика просто никакая рассказчица. Более того, Мирен, в первый раз в жизни попытавшись серьёзно пообщаться с мамой, внезапно обнаружила, что её родительница... э-э-э... не очень умная, скажем так. Многие вещи её элементарно не интересовали – есть и есть, зачем разбираться, если и так можно пользоваться? Именно потому о той же Силе пришлось читать самостоятельно.

Если бы ещё источников информации было побольше, ну, или они были бы посвежее! Попытавшись отыскать что-то полезное через Интернет, я узнал много нового и интересного о «Звёздных войнах», фэнтези, о контрах между христианством и буддизмом, о японской анимации и манге, об экстрасенсах и фокусниках, но только не о том, что нужно. Заодно научился чистить кеш браузера и создавать зашифрованные архивы – в двенадцать лет родители заходят на комп ребёнка, как к себе домой, блин, не хватало только, чтобы они что-то такое увидели! Особенно некоторые картинки по ключевому слову «суккуб» – даже не знаю, кто из нас больше... гм, впечатлился – я или Ми. Я от открывшихся видов, а вот подруга – от образа в массовом сознании. Однако это не отменяло факта, что о магии – о настоящей магии – я не нашёл ничего. Скорее всего, я просто не так делал запросы, или

стоило попытаться получить инвайт на какой-нибудь закрытый форум по соответствующей тематике – быть того не может, чтобы ни один одарённый не пользовался Интернетом. Но я прикинул свои шансы продрасться через информационный шум и не стать жертвой мошенников, «настоящее чудо смотреть отправьте СМС на номер...» – и отступился. В принципе, информации к размышлению и так хватало. К тому же в школе у меня начался шестой класс, а с ним – уроки биологии. И на первом же уроке, открыв учебник, почувствовал себя чуть ли не учёным, совершившим открытие.

Демоны потребляют Силу – аналогия с растениями и солнечным светом если и не совсем очевидна, то где-то близко. Кроме того, за время работы с книгой монаха-итальянца я здорово научился работать с текстами и потому «проглотил» учебник едва ли не за полдня: детская книжка по сравнению с мозголомной схоластикой была предельно простой и понятной, да ещё и на родном языке, ура! Выяснилось, что кроме растений бывают и другие организмы, умеющие потреблять внешнюю энергию, но это ладно. Оказывается, растения тоже могут жить без света! Причём даже нормальные, зелёные, а не только специально приспособившиеся (есть и такие, о как). Большая часть растений, прожив много дней в темноте, благополучно загниёт, конечно, а вот меньшая... – тут спектр выбора был пошире. От впадения в растительный вариант спячки до полного перехода на альтернативный способ питания. Нечто знакомое, правда? Кроме того, для меня внезапно стало открытием – только не смейтесь! – что в теплицах овощи и фрукты зимой и весной подсвечивают искусственно. Бинго!

Руке во время приснопамятной «лекции» о проблемах суккубов упомянула, что обычные люди не живут с демонами и колдунами, – правда, не сказала почему. Как выяснилось в процессе утешения Мирен после этого разговора, это стало особо болезненным откровением для девочки: она-то, оказывается, уже распланировала нашу совместную жизнь и ничуть не сомневалась, что станет моей женой. А я, наивный, думал, что это отголоски наших детских игр – кем мы только себя тогда не представляли: от пиратов (капитан и первая помощница), космических и не очень, и до искателей приключений (примерно с тем же распределением ролей). Первая, ещё детская влюблённость – именно тогда, прочувствовав всю перспективу никогда не встретиться с Ми лично, вдруг понял: я испытываю к своей верной подруге и спутнице отнюдь не чисто дружеские чувства. Сама-то молодая суккуба поняла всё гораздо раньше – девочки в таких вещах вообще начинают соображать раньше мальчиков. Не знаю, смог бы я вот так взять и признаться Мирей в своих чувствах в обычной обстановке – очень уж это... смушало. Но после хорошей такой нервной встряски – без проблем. Да, я знаю, что обычно такие вот детские союзы не выдерживают испытания временем, но наш случай, как ни крути, был кардинальным исключением из всех правил. Я пообещал, что мы всё равно будем вместе, но, кроме подростковой уверенности, что «да я со всем справлюсь», у меня никаких идей не было. И тут – такое открытие.

Моя логика была простой: раз растения можно культивировать на искусственной среде, то и демоны, наверное, могут. Или растормозить клеточные механизмы, отвечающие за жизнь без магии – как у тех цветов, что могут долго жить в темноте. Дальше мне отчасти повезло – в школе учительницей биологии оказалась женщина, которой действительно нравился её предмет. Она честно ответила на все вопросы (не о магии, разумеется, это я не спрашивал, не дурак), даже подсказала, в какие книги стоит заглянуть для дополнительной информации: польстил ей мой интерес к предмету. Моя подруга, в свою очередь, прошерстила домашний склад переплетённой бумаги и пошла осаждать Русандру с томом

«Энциклопедии Британики» (1913 год, 11-е издание) наперевес. Мирен, мягкая, отзывчивая и нежная, в первый раз проявила характер. Мать она удивила настолько, что на настойчивый прямой вопрос: «Изучались ли демоны учёными?» – она ответила отрицательно – без всяких «потом». Ну, что и требовалось доказать.

Любой взрослый в два счёта доказал бы, что, с позволения сказать, «план» ни много ни мало вмешаться в физиологию демона и кое-что там «подкрутить» – нереально самонадеян и точно обречён на провал. Однако мы ни у кого не спросили. Запоем читали (в основном, моими глазами) учебники и адаптированную литературу для детей по теме, потом перешли на пособия для поступающих в вузы. Биология мне удивительно легко давалась – наверное, и правда к ней был талант. Ну а мотивация так и вообще зашкаливала, кроме того, мне было просто интересно. Дивный новый мир распахнулся перед глазами – я такое чувствовал только после включения нашей с Ми телепатической связи. Мирен от меня отставала – примерно так же, как я от неё в языках. Но я с удовольствием объяснял и пересказывал прочитанное.

Стечение обстоятельств и наше с Мирой везение – я больше ничем не могу объяснить. Мы уже в общих чертах знали о гормонах и других биологически активных веществах, в ассортименте вырабатываемых человеческим организмом, а также отчасти были знакомы с их влиянием на работу сознания. То, о чём предупреждала Руке, произошло через семь месяцев после одиннадцатого дня рождения моей подруги. Половое созревание активировало «проклятие» – активировались до того спящие способности демона. Врождённая магия суккубов, стократ усиленная выделяемыми телом феромонами. И только понимание, что за всеми этими процессами стоит пусть пока не очень понятная нам биохимия процесса взросления, а не какое-то там реальное проклятие, позволили Ми смотреть на всё происходящее более-менее спокойно и просто учиться себя контролировать. Кроме того, у Мирен был я, а как сама Руке перенесла подобное в детстве, я даже не представляю.

– Дима! Ау, блин!

– Да? – Я остановился и обернулся на знакомый голос.

Меня, оказывается, по коридору догоняла неразлучная парочка одноклассниц, а я так ушёл в свои мысли, что не сразу услышал.

– Ты же на английский идёшь? – поинтересовалась у меня Инга, забавная девчонка, ростом не достающая даже до моего плеча.

– А что, есть варианты? – хмыкнул я, демонстративно кивнув на светящиеся цифры настенных электронных часов.

Короткий зимний день уже успел промелькнуть, оставалась последняя пара, и на неё учебная часть всегда старалась впихнуть какой-нибудь непрофильный или второстепенный предмет, включённый в программу младших курсов: после двух двухчасовых лекций, иногда без перерыва, новые знания в голову лезли исключительно туго. Разумеется, эти занятия, и так не вполне понятно зачем нужные (по крайней мере, нам, студентам, непонятно), пользовались особой «популярностью».

– Ну, это самое... – Девушка замялась, отводя взгляд.

Что и требовалось доказать. Наверное, моё лицо было достаточно красноречивым, потому что к диалогу немедленно подключилась вторая:

– Ну Ди-има, ну пожалуйста! Ну что тебе стоит?

Подруги были полными антиподами: невысокая, всегда идеально уложенная-причёсанная-накрашенная-на-каблуках Инга и высокая, худощавая Настя, предпочитавшая безразмерные свитеры и стрижку покороче. Девушки о контрастности на фоне друг друга, разумеется, прекрасно были осведомлены и всю пользу этой своей фишкой «покажи, кто тебе больше нравится, она и будет тебя просить, а другая – поддакивать». Простая вроде бы стратегия, но у девчонок работала безотказно. На сверстниках.

– Ты же, если попросишь англичанку, она тебя обязательно послушает! И ей хорошо, и нам.

– И опять надаёт кучу заданий на дом! И в следующий раз точно не отпустит, – с отвращением напомнил я.

Насколько я понял, наша преподаватель английского тоже не особо понимала, зачем медикам, которым в головы каждый день и так вбивают огромные объёмы информации, ещё и пытаться одновременно овладеть иностранным языком (особенно тем, кто не удосужился сделать это раньше), однако пыталась честно отработать свою зарплату.

– Мы тебе списать дадим, – клятвенно заверила Инга. – Тем более на следующей неделе пересдач уже не будет, а сегодня, думаешь, там кто-нибудь будет, кроме тебя и Макса?

– Хм. – Последний довод показался мне весомым: английский я терпеть не мог и во многом именно потому старался прилежно посещать занятия, из-за чего, а ещё и из-за успеваемости, был на хорошем счету. Но сидеть и мучиться в компании трёх-четырёх человек?

Ответственная преподша, разумеется, проведёт полное занятие, которое включает множество говорильни и чтения вслух, и чем меньше студентов, тем чаще будут дёргать меня. Проблема была в том, что знания английского языка, мною демонстрируемые, были по большей части не моими, а Ми. Что регулярно порождало дурацкие ситуации вроде «Откуда у вас прорезался этот ужасный акцент, Дмитрий?» и «Вы же только что говорили то же самое, и не можете повторить?».

Читая или слушая иностранную речь, большую часть информации я обычно прекрасно понимал, и не только на английском, но и на немецком. Сказывалось «соседство в голове» демона-полиглота и практика поиска информации через Интернет. С другими европейскими языками всё обстояло хуже, но и не совсем безнадежно. Вот только когда дело доходило до «написать по правилам» или «примените в ответе вот эту конструкцию», затык наступал не только у меня, но и у моей подруги, пользующейся своими выдающимися лингвистическими способностями привычно-интуитивно. Выход тут был только один: все эти формальные правила языка всё-таки можно выучить, но заниматься зубрёжкой непрофильного предмета в свободное время? О, спасибо, нет, лучше я на парах посижу-послушаю. Дёрнут раз или два ответить – нормально. Но когда заставляют отвечать каждые две-три минуты...

– Ладно, договорюсь, – сдался я. – Возьму задачи и разошлю всем по электронке.

– Ура! – Девушки просияли и синхронно чмокнули меня в щёки – каждая в свою, в очередной раз заставив слегка покраснеть. – Дим, ты – лучший!

И прежде чем я успел что-нибудь ответить, смотались, на ходу выхватывая телефоны и кому-то названивая.

Блин. Теперь ещё и помаду оттирать.

– Ты им нравишься! – хихикнула Мира в моей голове, заставив покраснеть сильнее.

– Не думаю.

– Ну, по крайней мере, симпатичен, – поправила моя блондинка.

– Это не повод пачкать мои щёки каждый раз, когда просят помочь, – проворчал я. –

Мне уже кажется, что они специально красят губы перед этим.

– О, ты тоже заметил? Говорю же, нравишься.

– Толку-то от этого? – Я кривовато сам себе улыбнулся, рассматривая в туалетном зеркале два симметрично нанесенных отпечатка, оранжевый и малиновый.

На самом деле шутка, несмотря на то что была повторена сладкой парочкой уже раз в пятый, мне скорее льстила – о чём ушлые подружки каким-то образом догадались. Но не признаваться же?

– Ну, я могла бы... – после некоторой паузы неуверенно «произнесла» девушка-демон, из-за чего всё моё игривое настроение разом пропало.

– Ми. Даже не начинай. Мы ведь всё решили?

– Ну... да.

– Вот-вот.

Заглянув в аудиторию, я понял, что в своих прогнозах были правы Инга с Настей, а не я: десять минут до начала занятия, а в пустом классе кроме англичанки сидел один только Макс. Впрочем, тут всё ясно: чертовки не забыли обзвонить одноклассников (кроме нелюбимого и несговорчивого Максима), и те наверняка уже как дикие лоси табуном несутся к метро, обгоняя застрявшие в пробках автобусы и маршрутки. Н-да, репутация – страшная штука. Чёрт. Ну что ж, придётся соответствовать общественному мнению. Ми, твой выход.

– Наталья Александровна, добрый вечер... – сказали мои губы моим же голосом.

Наверное, это и есть пресловутая библейская «одержимость» – описание дико перевернуто (как всегда, когда дело касается сверхъестественного), но общие черты найти можно. Знакомое давление на грани чувствительности по всему телу, я как бы отстраняюсь от собственного тела, а контроль подхватывает, если можно так выразиться, удалённый оператор. Кстати, отстраняться и не мешать не так уж просто: одно непроизвольное желание – взять предмет, почесать нос или ещё чего-нибудь – и контроль партнёра перебивается. В детстве у нас даже была такая игра – «поменяться телами», взаимный обмен контролем. Наверное, как-то так в будущем будет выглядеть виртуальная реальность: ощущения подконтрольного тела доходят как через толстую подушку и как бы накладываются... Как бы это объяснить? Чем ближе сходство собственной части тела, тем лучше передаётся обратная связь. И наоборот, «того, что у тебя нет, ты не чувствуешь». И слава богу, что так, иначе мы с Мирой доигрались бы как минимум до детской психологической травмы.

– ...У нас сегодня четверо пересдают биологию, один – органическую химию и двое – математику... – Думаю, человек с хорошим музыкальным слухом сразу бы услышал, как изменилась интонация голоса, но больше чем уверен – ни за что не догадался бы, почему. Но кроме интонации, Мирен добавила к словам кое-что ещё. Магию. Ту самую, которая составляет основу дара-проклятия суккубов.

В мифологии суккубы известны как демоны похоти, и, надо сказать, *некоторые* основания остаться в народной памяти в таком амплуа были. Правда, главное осталось за бортом: врождённые способности Мирен и её матери – мощнейшая эмпатия, причём как на считывание, так и на передачу. Потенциально эта способность может на некоторое время полностью сломать собственную волю разумного существа, как сухую ветку, заставить

подчиняться без раздумий и колебаний. К сожалению, суккубы, даже самые опытные, до конца не контролируют свой дар. Или к счастью – потому что иначе наш мир мог бы быть совсем другим.

Главная проблема суккубов – именно контроль. И если слишком сильная эмоциональная чувствительность опасна только для обладательницы дара, то способность сводить с ума окружающих, буквально выключая мозги и вызывая обожание (как можно догадаться, особенно сильно у лиц противоположного пола), если сработает случайно и в полную силу, обычно и самим демонессам выходит боком. Например, если вокруг оказалось достаточно много половозрелых мужчин, то немедленно начинается ожесточённая схватка, где виновница, она же приз, достаётся победителю. И хорошо, если изнасилованием всё и закончится, а то ведь сорвать крышу может по-разному. К тому же очарованный мужчина рано или поздно очнётся и поймёт, что натворил под действием внешнего принуждения. Кого, как вы думаете, он назначит в виновники? Именно. Вспоминаю рассказ Русандры, уже пять лет прошло, а до сих пор передёргивает от некоторых моментов. Воображение у меня всегда было хорошее, бр-р. Однако, если использовать способность подконтрольно и аккуратно, то...

– ...Давайте мы разошлём всем сегодняшнюю тему для самостоятельного изучения, а на следующем занятии вы нас поспрашиваете?

Сейчас, когда Мира смотрела моими глазами, я тоже ощущал исходящие от англичанки чувства: нежелание торчать на работе лишних два часа, а потом собрать по дороге все возможные пробки, но одновременно и недовольство сорванным уроком. Ми, направляя фокус чужого внимания своими словами, слегка «надавила» на желание закончить пораньше, а недовольство прикрыла оправданием, что массовый прогул – не пренебрежение предметом и преподавателем, а стечение обстоятельств неодолимой силы, вдобавок ещё и с обещанием отработать тему самостоятельно. Это я сейчас так всё длинно рассказываю, а у молодой суккубы всё получалось на уровне инстинкта – и построение фраз, и игра голосом, и дозированное воздействие. Без которого, вероятно, можно было бы и обойтись.

– Ладно, ваша взяла, Бедов, – немного подумав, махнула рукой Наталья Александровна. – Хотя о таких вещах вообще-то староста должен договариваться.

– Он сейчас как раз сдаёт математику, – вовремя подсказал я. То, что означенный староста у нас отличился, набрав аж три «незачёта», я скромно промолчал.

– Ясно, – хмыкнула женщина, – напишите мне вашу электронную почту, я всё вышлю сегодня вечером...

– Как у тебя получается каждый раз убалтывать преподав, а? – Максим, делавший вид, что спит с открытыми глазами, на самом деле всё прекрасно расслышал и «отмер» после того, как англичанка покинула аудиторию.

– Не поверишь, Макс, богатая практика. Только и всего.

Я всё-таки успел выйти из здания главного корпуса университета раньше, чем солнце окончательно скроется за горизонтом. Вроде бы мелочь, но я ещё по прошлому семестру заметил: когда успеваешь закончить учебный день засветло, то вечерняя усталость, верная спутница каждого буднего дня студента очного отделения, ощущается гораздо меньше.

Разумеется, это самообман, но, если задуматься, наша жизнь полна таких вот неочевидных мелочей. Обычно мы реагируем на них не задумываясь, чисто инстинктивно – как мои одноклассники, не упустившие шанса пораньше сбежать с занятий. А мне задуматься в какой-то момент пришлось. Да и сейчас регулярно приходится. Это я к тому, что мне не следовало бы давать учащимся вместе со мной узнать о моей способности «договариваться». В своё оправдание могу честно признаться: допустил я такое «палево» не из-за какого-то там тщеславия, а тупо просто так привык пользоваться суккубским даром, что в какой-то момент перестал замечать, когда произвожу мелкие воздействия.

Да, да, вы правильно поняли – я могу использовать магию Ми. Точнее, не магию, а родовую способность суккубов, ту самую эмпатию, правда, только проекционную часть, позволяющую воздействовать на других. Руке, кстати, называет её шарм – очарование, если по-русски. Очень ёмкий и точный термин и с шикарными мифологическими корнями... Судя по всему, в древности обладателей такого колдовства было немало: начиная от леших и кикимор и заканчивая Василисой Премудрой. Или эти товарищи просто умудрились больше всех запасть в память народную? Ничуть не удивлюсь, если так...

После пробуждения способностей Мирен я далеко не сразу обнаружил, что часть их передалась мне. Нет, не передалась, а... как бы перетекает по тому каналу, что связывает меня и её. Когда в какой-то момент моего общества стали сторониться одноклассники, я не придал этому значения. В младших классах я всегда держался немного в стороне от других: мать всё-таки добилась своего, вдалбливая мне держать рот на замке и не втравливать окружающих в свои «дурацкие выдумки». Я честно старался – не без рецидивов, но постепенно научился, всё равно всем, что мне приходило в голову, я мог в любой момент поделиться с Ми.

Следующим этапом стали учителя: я вдруг понял, что, даже не уча предмет, могу заболтать или заставить фактически решить за меня пример. Я тогда как раз с головой погрузился в изучение биологии – на том уровне, на котором мог воспринять, и остальные предметы подзапустил. На письменных контрольных, разумеется, не прокатывало, но совсем я не скатился: школа же, один и тот же материал несколько уроков мусолится, постепенно лишь усложняясь, даже не готовясь можно запомнить.

Ещё одна причина, по которой я решился на экстернат, – был уверен, что справлюсь с полугодовой нагрузкой месяца за два, не напрягаясь. Оказалось, что учиться самостоятельно по программе, а не бессистемно набивать голову информацией по биологии, – гораздо сложнее...

О магии в себе я узнал в ходе банальной домашней разборки всё по той же причине: оценки ухудшились, и классная посчитала необходимым накапать на мозги предкам на родительском собрании. Уж не знаю, что она им наплела, но по возвращении домой на меня напали с настойчивыми вопросами, с какой плохой компанией я связался и чем я там занимаюсь. Я сперва опешил – совершенно не ждал подобных обвинений, а потом неожиданно для себя вспылал. Тринадцать лет – как раз возраст подросткового бунта, и крышу мне тогда сорвало конкретно: гормоны, переживания, устроенная самому себе дополнительная нагрузка – всё это нашло выход в крике. Новый и неизведанный опыт, блин, до сих пор стыдно... Помню, как орал: «Отстаньте от меня! Идите вон отсюда!» Это было моё единственное желание в тот момент – зато очень и очень страстное. Но, когда мать и отец после этих слов, ничего не говоря, развернулись и ушли из квартиры, меня словно ледяной водой обдало.

Отсутствовали родственники пару часов – как я уже и говорил, шарм рано или поздно спадает. И даже сами себе придумали объяснение, что это они меня так наказали: «Вот мы уйдём, и что ты будешь делать без нас?» Я выглядел достаточно напуганным, чтобы они удовлетворились, мне даже притворяться не пришлось. А я молчал и судорожно пытался понять, что мне делать с наконец замеченным тёплым виртуальным ручейком, тёкшим от Ми ко мне, а потом как бы растекающимся вокруг меня. Чувствовал я его уже давно, но не обращал внимания: ощущение нематериального тепла прибывало очень медленно вот уже больше года. Молодая суккуба тоже была в шоке – даже когда мы попробовали полностью отстраниться друг от друга, прервав мысленное общение, магический переток всё равно сохранялся. Более того, она ничего не могла с ним сделать. Зато, как оказалось, мог я – бессонная ночь и красные от недосыпа глаза на следующий день того стоили. Опасная способность была взята под контроль.

Разумеется, пришлось ещё долго тренироваться – учитывая, что никто не мог рассказать, что и как делать, до всего мы с Мирен доходили методом тыка. Выяснились любопытные вещи: я мог отчасти управлять интенсивностью «потока» усилием воли, а также запирает его в себе, благо на меня шарм всё-таки не действовал. Не подавлял волю и не туманил разум – по крайней мере, я не смог заметить разницу. Ещё я мог запирает очарование в себе – не перекрывая его поступление, но и не выплёскивая бесконтрольно. Правда, тут же выяснилось, что мне стало гораздо сложнее договариваться с людьми, а достигнутое в последний год согласие в семье – тоже в значительной мере результат магического воздействия. Да, моя семья, к сожалению, принадлежала к большинству, и ссоры между родителями вспыхивали если и не часто, то регулярно. Разумеется, мне очень хотелось, чтобы у нас дома царил мир, и, как выяснилось, немало для этого сделал... В общем, аккуратно и несильно «шармить» во время просьб и обращений вошло у меня в привычку. Главное было не перегибать палку, а когда результат требовался с гарантией – просить подключиться Мирен: без сенсорной части способности, увеличивая воздействие, добиться можно было строго противоположного эффекта.

Аморально или нет вот так манипулировать людьми? Ну, думаю, окружающие очень обиделись бы, если бы узнали, что на их решения регулярно влияют. Одна из причин, по которой суккубов многие колдуны и другие демоны, мягко говоря, не очень любят. С другой стороны, люди всегда влияют друг на друга: жесты, слова, демонстрируемые социальные маркеры, угрозы скрытые и явные, лесть – только малая часть этого арсенала. Я для себя вывел следующее правило: если человек после единократного применения очарования не начинает испытывать дискомфорт при общении со мной – черта не преступлена. Эгоистично? Три раза «ха-ха»: после того, как я посмотрелся на учителей и учеников в экстернате, редкие сомнения меня мучить и вовсе перестали. Ну и не стоит забывать, что без шарма я никогда не уговорил бы родителей разрешить мне забрать документы из школы и подать на заочное обучение. Более того, поступив в вуз, мне удалось убедить отца и мать снять мне квартиру поблизости от места обучения – всего полчаса на автобусе, по московским меркам почти шаговая доступность.

Кроме очевидных преимуществ использования шарма были и менее явные, но, может, более важные: моя подруга натренировалась использовать очарование, целей для которого в холде Родика просто не было. Редкие визиты друзей старшей суккубы с детьми-погодками Ми полностью прекратились, взрослые без детей тоже не заглядывали «на огонёк», даже никакой живности, включая мышей, под куполом пространственного заклинания не было.

Оставалась, конечно, сама Руке, но у матери с дочерью ожидаемо оказалась взаимная устойчивость к чарам. Кроме того, выяснилось, что мать Мирен при необходимости может мастерски управлять собственным настроением, не давая себя «читать» – только несколько раз Ми успевала засечь, что возвращающаяся мать мрачна донельзя или, наоборот, лучится хорошим настроением. Через секунду всё пропадало, оставался только устойчиво-нейтральный с нотками позитива фон. Неудивительно, что Русандра старалась свалить из дому почаще.

Очевидно, все эти меры предосторожности имели смысл – даже если Руке что и приукрасила, пугая дочь, то не думаю, что слишком сильно. Дома у семьи Родика хватало книг и фильмов (на дивиди и кассетах), чтобы молодая суккуба получила некоторые представления о мире людей за пределами холдов и не чувствовала себя совсем уж в информационном вакууме. Про других имеющих доступ к магии существ Роксана рассказывала совсем скупой и чрезвычайно неохотно. Почему? Наверняка неспроста: своей дочери она желала только добра (проверено эмпатией!), вряд ли *такие* чувства можно достоверно подделывать. Думаю, будь Мирен одна, её заточение в поместье, как принцессы в башне, несмотря на все принятые меры, всё равно даром бы не прошло, но в том-то и дело, что у неё был я. И через меня – весь доступный мне мир, включая компьютерные игры, живое общение со сверстниками и взрослыми, ну и просто ощущение относительной свободы. Тем не менее конец срока «одионого заточения» девушка ждала с огромным нетерпением. Правда, благодаря нашему опыту «полусамостоятельного плавания» в последние полтора года – не только как восхитительной возможности получить хоть какую-то свободу действий, но и как серьёзного испытания. Ну, по крайней мере мне, кажется, удалось наладить быт со своей стороны и втиснуть жизнь в определённые наезженные рельсы – потому что теперь наставала моя очередь помогать и страховать любимую. Очень надеюсь, что обойдётся без особых приключений, тогда скоро мы сможем встретиться наконец вживую!

Ночная темнота в единственной комнате съёмной квартиры была весьма условной: свет уличных фонарей, отражённый от снега, попадал в окна, расцветивая потолок оранжевым. Читать книгу нельзя, но при необходимости разобрать слова на странице можно. Так, телефон. Время... середина ночи. И что меня, спрашивается, разбудило? А, ясно. Не что, а кто.

– Ми...

– *Извини! Меня трясёт что-то...*

– *Не бойся. Мы вместе обязательно справимся. Иди сюда...* – И послал образ раскрытых объятий.

Назад пришёл образ – Мирен прижимается ко мне, обхватив чуть выше талии и носом уткнувшись куда-то под мышку. Я погладил её по голове – также мысленно. Сейчас, на грани сна и яви, наша собственная «виртуальная реальность» была даже чётче самой реальной реальности. Мирен повозилась – сонно, уютно устраиваясь «рядом»: телепатический контакт со мной подействовал, как хорошая доза успокоительного.

Сердце слегка защемило: абсолютное доверие, с которым ко мне относилась Мирен, а также её непреклонная готовность следовать за мной, делать то, что я говорю, – всё это заставляло меня чувствовать огромную ответственность за свои действия и решения. И перед началом анонсированного Руке обучения мне тоже было не по себе: до того все успехи и

неудачи, по большому счёту, зависели от меня. Даже если бы мы напортачили с магией, в любом случае до молодой суккубы за надёжными стенами холда проблемам было физически не дотянуться. И вот теперь ситуация менялась на противоположную: я из безопасного отдаления мог всего лишь наблюдать. Нет, я собирался активно помогать советами, а в случае необходимости и перехватить удалённое управление... Но и всё. Что ещё может обычный человек в такой ситуации? Оставалось надеяться, что этого хватит. [7] большом кресле в гостиной у окна, вооружившись толстым книжным томом, и принялась ждать, изредка бросая взгляды на мать. Роксана тоже не торопилась начинать обещанное, хотя тот факт, что она осталась дома, говорил за то, что выполнить своё обещание она всё-таки собирается.

Надо сказать, жизнь в коттедже Родика во многом отличалась от привычной городской, больше напоминая мне летние поездки на дачу. Сказывалась изоляция от внешнего мира – даже электричество для работы электроприборов в холде приходилось получать от дизель-генератора. «Своя» в доме была только вода – её подавал в водонакопительный бак электронасос из артезианской скважины. Из-за чего, например, если приходилось вставать ночью, суккубы привычно пользовались аккумуляторными фонарями, а вечерние посиделки при свечах и вовсе были нормой. Генератор запускали с наступлением темноты на три-четыре часа (когда более всего было востребовано электрическое освещение помещений), и за это время нужно было прогнать на машинах циклы стирки и мойки посуды. Не слишком удобно на первый взгляд, но по сравнению с полным отсутствием бытовых удобств – сами представьте.

Разумеется, бытовые системы поместья требовали расходников: если газ для нагрева воды и работы кухонной плиты Руке банально запасла в виде десятка баллонов, очередной из которых включался в систему локального снабжения простым открытием вентиля, то соляру для движка мать Ми время от времени приносила откуда-то извне. Канистрой. Впрочем, еду она приносила гораздо чаще – вообще практически каждый день в обычном пакете с ручками, надо полагать купленную в не менее обычном же магазине. Всё вышеперечисленное – вместе с ежедневными отлучками, перемежаемыми нерегулярными выходными – заставляло думать, что Русандра элементарно где-то работает. Кем и где? И тут женщина-демон упорно отмалчивалась, а в ответ на прямые расспросы ссылалась на извечное «потом». В общем, вопросов и кроме возможности научиться наконец покидать холд накопилось предостаточно, и не нужно быть эмпатом, чтобы понять, чего именно от матери дочь сейчас ждала.

Руке хватило где-то ещё на полчаса, потом она с тихим вздохом закрыла очередной романчик и выпрямилась, а в эмоциях, пробив обычную невозмутимость, промелькнула обречённость.

– Спрашивай.

– *Спокойно!* – Я отслеживал ситуацию и не прозевал момент, вовремя успел виртуально сдвинуть плечи Ми, не давая эмоциям партнёрши вырваться из-под её контроля. Не хватало только показать Роксане, что опасения по поводу дочери до сих пор имеют под собой основание. – *Всё по плану.*

План, разумеется, был нами давно выработан и список основных вопросов в прямом смысле заучен наизусть в порядке приоритета. Мы несколько раз репетировали ситуацию, подобную сегодняшней, в разных вариантах: что ждать от Руке, зная характер старшей суккубы, было примерно понятно, и важно получить как можно раньше максимум самой необходимой информации, от которой зависели наши дальнейшие действия, второстепенные

же и просто интересные знания могли и подождать. Так что теперь Ми спокойно отложила свой справочник, невольно повторив движение старшей родственницы, и только тогда задала первый, самый важный для нас вопрос:

– Мама, как я могу выйти из холда?

– Вот. – Женщина, очевидно, тоже подготовилась, так что сейчас просто протянула дочери небольшую серебряную пластинку-медальон с закруглёнными краями на цепочке. Подвеска на шее Руке, один в один повторяющая эту, получается, оказалась не просто украшением. – Ключ от пространственной техники вокруг нашего дома.

– И как им пользоваться? – Ми без лишних слов застегнула цепочку, а я в это время новым взглядом рассматривал серьги и привычное любимое кольцо старшей демоницы – интересно, тоже артефакты?

– Пойдём, – вместо ответа пригласила Роксана, и мне пришлось экстренно гасить приступ лёгкой паники не ожидавшей такой простоты Мирен.

– *Ты прекрасно выглядишь.* – Если вы думаете, что моя партнёрша так распереживалась от самого факта выхода наружу... вы как минимум плохо знаете женщин. – *Пока будешь переодеваться и краситься, больше времени потеряешь. Не думаю, что Руке тебе далеко от дома позволит отойти – на первый раз.*

– Ну... ладно. – Ми всё равно украдкой оглядела себя и вынуждена была признать мою правоту: повседневная одежда не выглядела заношенной. Тем более всё равно нужно надеть ботинки и пальто – начало марта в Румынии даже внутри холда, где никогда не выпадает снег и температура ни разу не падала ниже нуля, отнюдь не курортный сезон.

То, что место под стационарным пространственным заклиниванием как-то связано с окружающим миром – очевидно. Иначе живущие внутри рано или поздно задохнулись бы – та невысокая трава, что растёт вокруг коттеджа, явно не может обеспечивать полноценный газообмен в замкнутом объёме. Ну и вода из скважины опять же. А вот осадки на нашей с Ми памяти здесь, в отличие от «большого мира», ни разу не выпадали, и дневные и сезонные колебания температур очень сильно сглажены – а то мне как-то пришла в голову «светлая» мысль определить примерное расположение поместья Родика в Румынии по прогнозу погоды. Наивный! Даже не удалось узнать, в горной оно местности или внизу, на равнинах... Ничего, сейчас всё и выяснится.

С ключом всё оказалось проще простого: никаких усилий для выхода из-под свода холда прикладывать не пришлось. На участке вокруг коттеджа было протоптано несколько тропинок – к вынесенной в отдельную будку генераторной-котельной, к нескольким грядкам, на которых мама Ми с упорством, достойным лучшего применения, сажала луковицы «на перо», к импровизированной «беседке» на открытом воздухе – несколько стульев окружали стол без бесполезной здесь крыши. И одна тропинка «вовне», упирающаяся в туманную стену, по которой уходила и возвращалась Русандра. Мелкой Ми пыталась попасть наружу вместе с матерью и самостоятельно – тщетно, разумеется, хотя, скорее всего, какой-то секрет тут всё-таки был: проводила же раньше Родика-старшая в дом гостей? Впрочем, это ещё успеется спросить – как говорится, слона нужно есть по кусочкам. Сначала – выйти и осмотреться, потому что кое-что подсказывает мне, что не так всё просто.

Судите сами: холды снаружи не видны, по крайней мере, никаких описаний и фотографий высоких туманных куполов в Интернете я не нашёл. Магия, их создавшая, неспроста называется «пространственной». Однако люди, появляющиеся «из ниоткуда», наверняка привлекли бы внимание – везде, кроме, может, центральных улиц крупных городов

или залов оживлённых вокзалов-аэропортов. А раз этого нет, то...

...То я не очень удивился, когда граница холда словно провернулась вокруг шагающих суккубов, но никуда не исчезла. Исчез дом, само пространство вокруг стало ощутимо меньше и как-то вытянулось вдоль, скорее напоминая тоннель, чем купол. Поросшую знакомой, сейчас изжелта-жухлой по зимнему времени травой землю тоннеля из конца в конец пересекала теряющаяся с обеих сторон в тумане грунтовая дорога, логично дополняя образ. И облезлого вида старая, покосившаяся автобусная остановка казалась удивительно на своём месте – к ней вела наша тропинка, и ещё штук шесть других, веером разбегающихся по обе стороны от накатанной грунтовки.

– Соседи, – правильно истолковав взгляд дочери, подтвердила догадку Руке. – Ты спрашивала, как выглядит магический мир. Вот так: холды, соединённые транспортной сетью. Автобусы ходят регулярно, несколько раз в день, у нас тут три маршрута. При необходимости можно воспользоваться пересадкой – есть места, где собирается много направлений сразу. Если тебе нужно куда-то попасть, садись и едешь.

– Вот так просто? – только и смогла спросить Ми, несколько покоробленная утилитарностью лаконичных объяснений. – На автобусе?

– Раньше, говорят, были извозчики с телегами, я не застала, – призналась женщина. – Но автобусы удобнее и быстрее.

– И – куда угодно?

– Маршруты связывают все существующие холды между собой, – подтвердила старшая суккуба.

Логично. Если есть пространственная магия, то только огораживаться – глупо. Интересно, насколько быстро идут автобусы? Впрочем, это не самый важный сейчас вопрос.

– Мам, а совсем *наружу* — как? – Мирен нашла взглядом табличку «Romania-4»^[8] и указала на неё.

– Тебе ещё ран... – Руке осеклась под взглядом дочери и внезапно ссутулилась. – Пойдём домой. Это... нужно долго объяснять.

Роксана Родика вцепилась в чашку с чаем, как утопающий – в спасательный круг. Мать и дочь вернулись в холд по путеводной тропинке и, не стовариваясь, отправились на кухню: мне и Ми требовался перерыв, чтобы всё уложить в голове, а Руке, по-моему, банально тянула время – оттягивая почему-то неприятный момент с объяснениями. На самом деле я уже давно подозревал за старшей суккубой эту черту характера – всё, вызывающее негативные эмоции, она старалась отложить, видимо, в надежде, что «оно само рассосётся». С другой стороны, не сказать, чтобы она так уж и пускала «рассосётся» на самотёк, – вот, обеспечила дочь источниками информации (и отвлечения внимания) в виде фильмов и книг, и библиомедиатеку регулярно пополняла. Или я всё неправильно понял, и то, что принимаю за попытку спрятаться от невзгод, – на самом деле забота о дочери? Эмоциональный щит, который Руке продолжала удерживать, не давал сказать наверняка.

Лично мне не давала покоя информация о системе сообщений между пространственными техниками-домами демонов... гм, автобусную. Автобус, если подумать – средство передвижения не очень комфортное для длительных поездок: час-два – ещё

терпимо, но вот шесть часов без движения в кресле – уже тяжело. Это ведь не самолёт, даже ноги на ходу проблематично размять. Двенадцать часов – верхний потолок времени постоянного пребывания в салоне, хоть какой ты демон. Значит...

– Мам, а куда можно уехать с нашей остановки без пересадки? – Мирен согласилась с моими мыслями, ну и заодно решила прояснить волнующий нас вопрос. – До России можно доехать, до Москвы, например?

– Можно. – Руке вздрогнула, возвращаясь к реальности, но, осознав вопрос, немного расслабилась. – Самые дальние конечные у наших маршрутов – Индия и Китай. В Америку только с пересадкой.

– А ехать надо долго?

– Ну... часа три... – протянула женщина неуверенно. – Я же говорю – пересадка, отправления ждать. Или ты не о США спрашивала?

Если бы чай пил я, а не Ми, подавился бы нахрен. Три часа из Европы до Америки, и это – с вынужденной паузой в середине пути! Только задумайтесь: половина мира – за три часа. Быстрее, чем на сверхзвуковом самолёте, блин! Причём значительно быстрее. Да что самолёт – тут и гипотетическому «суборбитальному прыжку» прямая конкуренция!

– И что, так каждый может? – осторожно спросила Мирен.

Если меня поразил сам факт и проистекающие из него возможности, то младшая демонесса мгновенно сообразила, что между мной и ней – всего какой-то час, а то и меньше пути на регулярно ходящем автобусе.

– Ну да, сел и поехал, – пожала плечами старшая суккуба, не понимая причины ажиотажа у дочери. – А что?

[Купить полную версию книги](#)

---

notes

Ваше высокопреосвященство – обращение к архиерею христианской церкви.

Собор – церковное собрание. Большой собор, соответственно, – большое собрание, а самое большое – Вселенский собор.

Шоссы – фактически колготы, что-то среднее между чулками и штанами. Обычно состояли из двух частей – по одной на каждую ногу и дополнялись гульфиком на промежность. Стандартная средневековая одежда, довольно неудобная, на современный взгляд, зато легко подгоняющаяся под владельца системой утягивающих ремешков. Атрибут горожан и дворян, никак не крестьян.

Колет – безрукавка на ремешках, элемент верхней одежды, обычно носившийся поверх рубашки.

Формой одежды в медвузе является белый халат. В принципе, на лекциях и в коридорах учебного заведения таскать его на себе никто не требует, но первокурсники быстро постигают простую премудрость: лучше нацепить заранее и забыть, чем в нужный момент пытаться вспомнить, где забыл пакет с ним. И в руках ничего лишнего.

Тульпа, вообще, на санскрите значит «совершенное воплощение», способ создать нечто из ничего силой мысли. Оккультное понятие в буддизме, чьё название взято для описания результата ломки собственного сознания с созданием субличности – этакое «воображаемого друга по-взрослому». Есть вполне обоснованное мнение, что создать «тульпу» может только человек с шаткой психикой, уже предрасположенный к шизофрении.

Первый день весны мы встретили... достойно. Мира, решительно настроенная не ударить в грязь лицом перед матерью, продемонстрировала отменный самоконтроль. Привычно помогла Руке на кухне, спокойно и не торопясь съела свой завтрак, ополоснула и сгрузила посуду в громоздкую посудомоечную машину – металлический монстр с потемневшими от времени нержавеющей боками и шильдиком «1991» ничуть не походил на аккуратный белый агрегат дома у моих родителей. После чего Мирен устроилась с ногами в

«Румыния-4».